

КСЕНИЯ ХАН

СОЛНЦЕ
В ОГНЕ

Охотники за мирами

Ксения Хан

Солнце в огне

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Хан К.

Солнце в огне / К. Хан — «Эксмо», 2023 — (Охотники за мирами)

ISBN 978-5-04-187896-2

Вторая книга цикла «Дракон и Тигр»! Продолжение романа-дорамы, рассказывающего о девушке из современного Сеула, которая попала в альтернативный древний Чосон в разгар войны с Японией. Драконы, воплощающиеся в людях, древние духи и ритуалы, – а также интриги простых смертных, жаждущих власти. Заговоры и политические игры правителей, в которых обычные люди – лишь пешки и расходный материал. Трепетная и нежная любовная линия, выстраиваемая в традициях дорам. Словарь драконьего языка, которым пользуются бойцы драконьего воинства, глубокое погружение в культуру современной и древней Кореи. Внутри добавлены карта мира не-Чосона и схема королевского дворца, в котором проходит часть повествования. К каждой книге приложена одна из пяти открыток, созданных художниками специально для этой истории. Сон Йонг прошла долгий путь по не-Чосону, чтобы вернуться домой. Но теперь родной мир не кажется ей спокойным: в тених прячутся видения прошлого, а из подсознания вызывает змеиный шепот... Имуги – опасное чудовище, пытающееся втереться в доверие, или неожиданный союзник? Мун Нагиль больше не верит в судьбу и Великих Зверей. Все, что он должен сделать для страны – спасти наследного принца. Для этого придется участвовать в играх советников и королей, которым важнее сохранить власть, чем спасти осажденный Чосон. Если Йонг вернется, что ждет ее и Нагиля? Радостное воссоединение или политические интриги и огонь войны?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-187896-2

© Хан К., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Действующие лица	8
Отсутствие предела	10
Зыбкие отражения	13
1	14
2	20
Великий Предел	27
3	27
4	35
5	43
Ведущий в бездну путь	51
6	51
7	58
Два начала	64
8	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Ксения Ильинична Хан

Солнце в огне

Посвящается самым сильным женщинам, которых я знаю, – моим подругам.

Кире, которая убирает смайлики в моих благодарностях, и Дине, которая мастерски считает коней.

© Ксения Хан, текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Эта книга делает всё, чтобы свести вас с ума: обводит вокруг пальца, бьёт под дых в самый неожиданный момент, даёт блаженную передышку, чтобы снова столкнуть в пучину интриг и обмана. Кипят страсти, идёт война, гильотина заговоров и предательств вот-вот опустится на чью-то голову. Но чья голова это будет? Вам придётся пройти весь путь с Сон Йонг и Нагилом, чтобы добраться до правды. А затем закрыть книгу и тут же начать считать дни до третьей, финальной части. Присоединяйтесь, потому что я уже начала отсчёт!

Арина Цимеринг, соавтор «Правил выживания в Джакарте», автор «Как поймать монстра», ТГ: @zimering

Вторая часть вышла сильной и пугающей одновременно. Власть сплетается с древней магией Великих Зверей. Дворцовые интриги граничат с жизнью и смертью. Герои становятся пешками в чужих руках, но кто победит? Дракон или змей?

Анви Рид, автор «Пира теней», ТГ: @anvireadanvi

«Солнце в огне» не только приоткроет тайны прошлого, поведав легенды и мифы о Великих Зверях, Драконах и имуги, но и позволит по-новому взглянуть на героев. Новые союзники и неожиданные предательства, интриги и политические заговоры, сложные решения и выбор пути, который изменит судьбу каждого, ну и конечно же много любви – эта книга разобьёт сердце каждому и заставит страдать в ожидании продолжения.

Саша, книжный блогер, ТГ: @alex_booklover

«Солнце в огне» – это клубок сильно спутанных ниток, на одном конце которого «долг», а на другом «чувства». Между ними интриги, заговоры, союзники, которым не следовало доверять, и надежда на счастливый финал. Возвращаясь в не-Чосон, мы с нетерпением ждём, каким же будет следующий шаг врага и пойдёт ли история тем путём, который нам знаком. Видя, какой путь проходят герои, – невозможно остаться равнодушным.

Аля, книжный блогер, youtube: snowrowans

Щемящее душу продолжение цикла «Дракон и Тигр», которое проникнет глубоко в сердце и вызовет мурашки по всему телу. Вас будет

волновать лишь одно – когда продолжение. Ведь тайн и интриг становится всё больше, а чувства берут верх над разумом.

Маша, книжный блогер,

ТГ: @ms_hedgehog_reads

Действующие лица

Происходящее в дораме частично основано на исторических событиях корейского полуострова времён XVI века, но персонажи, инциденты и упомянутые факты не соответствуют действительности. Все совпадения с реально существующими людьми случайны.

Мун Нагиль – Ёнгданте, генерал драконьего войска, Дракон Дерева и Металла
Сон Йонг – Сыта-голь, девушка со звезд, попаданка из Священного Города
Ли Хон – наследный принц Чосона, сын наложницы короля Чосона
Ким Рэвон – побратим Нагиля, бывший ученик Дракона
Лан – шаманка Ордена Белого Тигра

Лапа Дракона

Чунсок – Пуримгарра, Первый Коготь, правая рука генерала
Гаин – Сыгунгарра, Второй Коготь, предводительница лучниц
Дэкван – Тырсэгарра, Третий Коготь, мастер мечей
Чжихо – Куаргарра, Четвертый Коготь, лекарь

Воины Дракона

Бойм
Намджу
Хаджун
Тэгён
Сокву
Досан
и другие

Дочери

Ильсу
Юна
Чхонги
Риюль
и другие

Совет короля Чосона

Лю Соннён – Советник Восточной Фракции
Ким Кихо – Советник Западной Фракции
Чхве Сувон – Советник Южной Фракции
Ли Бенгон – Советник Северной Фракции
Лю Соджоль – сын советника Лю Соннёна
Ким Ондэ – шурин советника Ким Кихо

Империя Мин

Чжу Инъли – тринадцатый Император династии Мин
Ван Юцзяо – Наместник Императора в Чосоне
Ван Шоужань – Секретарь Императора

Чжу Юнмень – десятая дочь Императора, принцесса династии Мин

Су Имдон – бывший патриарх Ордена Сливы

Ким Мунсу – начальник городской стражи Хансона

Орден Дракона (ныне расформирован)

Мастер Вонгсун – Дракон Воды, учитель Нагиля и Рэвона

Мастер Го – учитель боя, мастер мечей

Тоётоми Хидэёри – генерал японского войска

Отсутствие предела

Храм Дерева, Чосон, середина лета 1592 года, год Водяного Дракона

Лан долго всматривалась в витые кольца дыма, идущего от зажжённых бамбуковых палочек. Снаружи бушевал ливень, ветер рвал белые флаги, будто разгадал их тайну и решил поведать о ней Алмазным горам. Стучали друг о друга старые деревянные ставни, изредка в храм проникал холодный воздух, норовя потушить горящие у расписных столбов свечи.

– Помолчи-ка, – приструнила стихию шаманка, и ветер, повинувшись её воле, вдруг стих. Это ненадолго, решила она, вслушиваясь в шум бьющего о крышу потока воды. Дождь лил вторые сутки не переставая, и для сезона засухи это был хороший знак. Как и для обряда, который Лан хотела провести с того дня месяц назад, когда юджон-ёнг покинула их земли, присоединившись к своим людям в Священном Городе.

Она бы не стала задавать духам очевидный вопрос – ответ был понятен, словно его выписали в небесах для одного дуралея дракона.

Когда Бездна закрыла Глаз, забрав юджон-ёнг, раненый Мун Нагиль вернулся в лагерь поздней ночью с кинжалом, сломанной стрелой и потухшим взглядом, так что на него было тошно смотреть. Посмаковать горе ему не дали: в лагерь тут же явились люди генерала Хигюна с ним самим во главе. Они долго разговаривали в шатре, рычали друг на друга и спорили до хрипоты, пока, наконец, рассвет не вытащил всех на свежий воздух.

Лан ждала, что *ёнгданте* придёт к ней сразу же, едва Хигюн покинет лагерь, но он не явился ни в тот день, ни на следующий.

А потом шаманке донесли, что их войско будет держать путь к границе с Империей Мин.

– Плохая дорога, – посетовала Лан, но к ней не прислушались.

С тех пор прошло больше месяца. Всё, что говорила шаманка, теперь не считалось важным, пусть её слова с каждым днём звучали всё более серьёзным обещанием беды.

– Моджори-ёнг¹, – ворчала она на капитана драконьего войска, который совсем перестал заходить к ней. Ни совета, ни просьб, ни дружеского участия – Мун Нагиль решил, что ему не нужны шаманские напутствия, которые идут вразрез с решениями генералов. *Пусть*. Этот

¹ «Дракон-дуралей» (корейск.) (составлено из [моджори] – дуралей, дурень и [ёнг] – дракон). – Здесь и далее прим. автора.

дурак ещё одумается, но до тех пор останавливать его Лан не станет. Да и нет у неё такого влияния – ни на Нагиля-человека, ни на Нагиля-Дракона.

Дождь стучал по черепице храма, заглушал хриплые песнопения и подзывал шквальный ветер себе в помощь – остановить упрямую шаманку, не дать ей заглянуть в будущее. Ничего хорошего в нём не увидишь. Ни победы Чосона в затянувшейся войне, ни жизни для капитана, ни счастливой страны для наследного принца.

Матушка, шаманка Кэмеко, научила Лан слушать всех духов и видеть всё, что те ей показывают: и хорошее, и плохое, и то, о чём нельзя и помыслить, каким бы ужасающим оно ни было. Лан знала: будущее переменчиво, как людские сердца, и пишется их решениями. Первый шаг несёт за собой череду последствий, те влияют на выбор следующего.

Мун Нагиль дал обещание девушке со звёзд, и Лан увидела в этом предзнаменование больших перемен. Он отправил её домой, и будущее окрасилось в тёмный цвет. Духи нашептали шаманке, что быть беде, и теперь она ясно видела подтверждение своих тревог: капитан драконьего войска вёл своих людей туда, где они ничего не значат, – во дворцы к королям, которые играли чужими жизнями, как куклами. Прямиком в змеиную пасть, полную ядовитых клыков.

Их ждёт смерть, говорили духи, они погибнут все до единого, а капитану отрубят голову, как изменнику.

Лан заглядывала в дым благовоний, в пепел, остающийся после них, в пламя свечей, что тревожил ветер, и видела бесславный конец для капитана. Шаманка злилась: не для того она покинула умирающую мать и присоединилась к войску дракона и Мун Нагилю в середине прошлой войны, чтобы отдать его на растерзание чудовищам куда более жестоким, чем Великие Звери, которым она поклонялась с рождения.

Он отдал наследника страны врагам и оттого умрёт первым, говорили духи. Лан морщилась и кривила губы – не нужно повторять ей то, что она знает и без подсказок. Будущее коварно и зыбко и меняется даже от мимолётного решения любого из людей в этом мире. *Нет*, твердили духи, никто *в этом мире* не способен поменять ход событий. Крутится колесо, и, хоть запустили его люди, теперь его не остановить. Дракон Дерева не сумеет спасти капитана. Дракон Металла не сумеет спасти капитана.

Не сумеет, нехотя соглашалась Лан. Но она спрашивала не о капитане. Она спрашивала о ком-то из мира другого.

Однажды юджон-ёнг сделала выбор. И Лан знала, что она сделает его снова.

Когда?..

Когда море поползёт вспять. Когда родится луна. Когда одной стрелой можно будет пронзить семь звёзд в небе. Когда Бездна откроет Глаз в последний раз.

Лан вздохнула, усмиряя чрезмерное раздражение. Она не была столь же покорна духам, как её мать, и те не спешили делиться с шаманкой своими знаниями так охотно, как с Кэмеко.

Когда же это случится, о вредные духи?

Когда родится первая луна зимы.

Великие Звери... До первого месяца зимы Чосону придётся прожить два сезона. Пусть до тех пор духи защитят страну и капитана драконьего войска от большой беды.

Лан поклонилась статуе Дракона в старом храме Дерева и задула свечи. Ливень снаружи продолжал бушевать, порыв ветра сдёрнул один из белых флагов и унёс его выше в горы.

Зыбкие отражения

1

Пусан, Южная Корея, начало лета 2024 года, год Деревянного Дракона

– Нагиль!

Йонг выплюнуло в материальный мир до того, как она осознала, что происходит. Она открыла глаза, едва успевая заметить, как чёрная дыра беззвучно сворачивается внутрь себя и растворяется прямо в воздухе; перед Йонг проступил смутно знакомый сосновый лес, и шум автострады ударил по ушам – резко и без предупреждения.

Она осела, слепо зашарила по земле руками. Здесь было светлее, чем в не-Чосоне, гораздо громче, чем в не-Чосоне, а воздух сильно пах выхлопными газами, и оттого дышалось в разы труднее – она и забыла, каково жить в двадцать первом веке. Йонг вдохнула через рот, закашлялась, зажмурилась. Открыла глаза, отчаянно сопротивляясь действительности, но ничего не изменилось. Она сидела на земле в сосновом бору, вокруг валялись нетронутыми её вещи.

Кулон на цепочке, блестящий в свете луны. Сумка и выпавший оттуда телефон. Пиджак Рэвона, который она обронила в какой-то прошлой жизни, когда он затянул её в путешествие по иному миру – длиною в вечность.

Йонг осторожно коснулась пальцами смартфона, совершенно не веря, что видит его перед собой, когда тот вдруг завибрировал на скалистой земле.

Юна.

Йонг смотрела на ярко светящийся экран долгие мгновения, заполняемые громкими ударами её сердца. Это всё происходит не с ней. Это всё ей снится. Сейчас она поднимет трубку и проснётся в гостевом доме в старом поселении недалеко от Конджу. К ней заглянет Чунсок, поворчит для виду, а потом передаст сообщение от капитана. *Он ждёт вас, упрямая госпожа.*

Только притворившись, что не верит своим глазам, Йонг смогла разжать пальцы и поднять телефон с земли. Это всё сон.

– Ораёнъ², – засипела Йонг. Ей ответил громкий беспокойный голос:

– Что с тобой случилось, я звоню уже три часа!

Юна. Её подруга Юна. Йонг стиснула телефон обеими руками, задрожала всем телом.

– Хан Юна?

Та сразу стихла и переспросила уже спокойнее:

– Ты в порядке? Где ты?

Йонг не знала, что отвечать.

– В Пусане, – сказала она, гадая, действительно ли это звучит её голос. – В Южной Корее.

Она могла принять происходящее только при одном условии: отвергнув реальность, в которой её возвращение в родной мир было так же очевидно, как небо над головой и автострада у подножия нагорья, как огромная позолоченная статуя Ли Сунсина, проглядывающая из-за деревьев.

– Так, ты хотя бы в городе, – заключила Юна и вздохнула. – Сон Йонг, у тебя всё в порядке?

Йонг покачала головой, потому что на этот раз голос сдался вместе с ней.

– Йонг?

– Юна, – позвала Йонг, замечая, как медленно, нитка за ниткой, начинает тлеть её чогори, – забери меня из порта, пожалуйста. И привези одежду.

² Привет, здравствуйте (драконий язык).

В парке, окружавшем портовое нагорье, был общественный туалет. Йонг спустилась туда, упав всего раз, и теперь, заперевшись в тесной кабинке, тёрла ушибленный бок ободранной до крови рукой. В волосах застряли сухие листья, в носу свербело от пыли. Йонг постаралась сосредоточиться на текущем моменте, задвигая остальные мысли в дальний угол, запрещая себе думать.

У неё есть *сейчас*. И это сейчас нуждается в контроле.

От чогори остался только воротник, он свалился Йонг в руки и истлел, не оставив после себя ни следа. Паджи исчезали тоже, нижняя блузка с шорохом соскользнула с плеч и испарилась в полёте к кафельному полу. Стало холодно, ещё холоднее, чем было.

Йонг сжалась, обхватила себя руками. Пиджак Рэвона она взяла на горё вместе с остальными своими вещами и теперь накинула его на голое тело, чувствуя, как тошнота подкатывает к горлу. Что ей делать? Что сказать, чтобы объяснить свой вид?

Главное, решила она, не стоит создавать проблем себе завтрашней. Надо постараться быть спокойной и собранной, чтобы Юна не подумала, будто Йонг ограбили и раздели догола или...

Но как только растворилась в воздухе одна шёлковая танхэ с вышитым на носке цветком лотоса и ступни коснулись пола, Йонг зарыдала в голос.

Перепуганная Юна нашла её в туалете и сразу же позвонила в полицейский участок.

* * *

Йонг молчала, кусая дрожащие от рыданий губы, и это совсем не помогало делу. Её делу – она вовсе не планировала сидеть перед детективом полиции в участке и доказывать, что Ким Рэвон, коллега и воспитанный парень, её и пальцем не тронул. Ну да, голая избитая девушка в парке Пусана поздней ночью наводит только на одни мысли, но ведь можно допустить и другие вещи, совсем не связанные с Уголовным кодексом Южной Кореи.

Например, чёрную дыру посреди соснового леса, по другую сторону которой скрывается новый мир, целая вселенная с иными законами, в которой живёт Дракон Дерева и в которой её бывший парень помогает японскому генералу захватить Чосон. В которой она провела почти три месяца, пока здесь прошло всего несколько часов...

– Вы что-нибудь сделаете? – спрашивала Юна. – Объявите этого негодяя в розыск, пусть его найдут и посадят!

– Мы уже составили протокол, госпожа Хан, – устало повторил полицейский, допивая третий стакан кофе. – Человека, о котором вы говорите, в нашей базе нет, и нам потребуется время, чтобы выяснить его местонахождение... Но завтра мы опросим всех в космическом институте, да, – добавил он, когда Юна открыла рот, чтобы разразиться новой тирадой.

– Не надо никого опрашивать.

Йонг подняла голову и впервые посмотрела на полицейского, который всё это время пытался разговорить её и успокоить госпожу Хан, – и чуть не заплакала снова.

На Йонг с недоверием смотрел Чжисоп. Это было лицо Чжисопа и тело Чжисопа в полицейской форме Южной Кореи. Йонг помнила, как вместе с Намджу и остальными смотрела на погребальный костёр, в котором Чжисоп сгорал рядом со своими собратьями по оружию. Погибшими собратьями по оружию.

Сейчас он смотрел на неё, выгибая бровь, и выглядел настолько привычным и отталкивающим, что Йонг не выдержала и опустила голову.

– Не надо никуда идти, – попросила она тихо, но голос дрогнул, и Юна расценила это по-своему.

– Конечно же надо! – резко сказала она полицейскому, а потом повернулась к Йонг. – Я отвезу тебя в больницу, Сон Йонг. Тебе нужна помощь. Пойдём отсюда, пусть теперь полиция разбирается.

Она не задавала вопросов и касалась её с осторожностью, и Йонг была благодарна за это, хоть сама хваталась за подругу испачканными руками и стискивала рукав её рубашки так, словно боялась исчезнуть. Со стороны, должно быть, она и выглядела жертвой насилия, и сил не было разъяснять это недоразумение.

Что она могла сказать? Пусть уж лучше врачи осмотрят её и сообщат Юне, что ничего страшного не произошло.

В машине, пока они проезжали по ночной дороге, усеянной яркими фонарями и светофорами – слишком яркими для отвыкшей от их света Йонг, – она попыталась заговорить снова.

– Рэвон ничего мне не сделал, – сказала она. Юна вела машину быстрее обычного и была слишком взвинчена, чтобы услышать тихий голос Йонг с заднего сиденья. От резкой езды на автомобиле Йонг замутило. Она бы предпочла прогуляться пешком или даже верхом на лошади.

– Он меня даже не тронул, – повторила она, стараясь смотреть не на мелькающие за окном столбы фонарей, а на свои руки. Пиджак Рэвона Юна стянула с неё и оставила в полицейском участке в качестве улики, на Йонг сейчас была кофта и джинсы. Очень мягкая кофта, ткань которой почти жгла, и очень грубые узкие джинсы, они тёрли ей кожу и сдавливали живот.

– Мы разминулись в сквере, – продолжала говорить Йонг. – Я поскользнулась, упала с горы и потеряла сознание. Потом очнулась, рядом никого не было.

Если Рэвона объявят в розыск, думала Йонг, то всё равно не найдут. Но осквернять память о нём в этом мире ужасными слухами она не хотела. Эти слухи коснулись бы её в первую очередь, а становиться жертвой она была не готова.

– Я понимаю, – сказала вдруг Юна. Йонг посмотрела на её отражение в зеркале заднего вида. Юна кивнула и повторила: – Я понимаю, Сон Йонг. Жертвы могут выгораживать насильника, потому что напуганы. Это нормально. Плохо, что я нашла тебя не сразу, не когда...

– Со мной всё в порядке, – надавила Йонг, попытавшись придать голосу твердости – ничего не вышло, он всё ещё звучал настолько неуверенно, что не оставлял Юне сомнений: Йонг прошла через *ад*. Это было правдой, но не той, в которую могла бы поверить Юна.

Юна не стала комментировать её слова и довезла Йонг до больницы в напряжённой тишине.

Во втором часу ночи здесь было спокойнее, чем днём, но Йонг всё равно жмурилась от яркого освещения: то било по отвыкшим от обилия света глазам и вызывало головную боль. Белоснежные стены, врачи в белоснежных халатах, снующие туда-сюда медсёстры в белоснежной форме. Так светло и так чисто, стерильно чисто – Йонг смотрела на больничный вестибюль из-под полуопущенных век и дёргала себя за рукав кофты: всё тут было *чересчур*. Вся эта реальность была для неё *чересчур*.

Юна оформила все документы самостоятельно, довела Йонг до кабинета и осталась ждать в коридоре, проявив деликатность. Лучше бы она прошла внутрь и подержала Йонг за руку, пока она не развалилась на части в медицинском кресле.

– Ваша подруга сказала, вы пострадали, – начал врач.

Да, хотела сказать Йонг.

– Нет, – сказала она. – Я упала с горы и ударилась головой. Возможно, меня ограбили, но я в порядке.

Врач вздохнул и начал осмотр.

– У вас истощение, – заключил он после короткого анализа, – и, вероятно, малокровие. Давление очень низкое. Я предполагаю повреждение внутренних органов, но без тщательного осмотра не могу делать выводы, и если вы позволите...

– Хорошо, – кивнула Йонг. – Проведите полный анализ, сделайте заключение. Просто дайте знать моей подруге, что меня никто не насиловал.

Врач побледнел, нахмурился. Надо отдать ему должное, он почти не изменился в лице и сохранял профессиональную выдержку всё то время, что водил Йонг по кабинетам. МРТ, УЗИ, всевозможные анализы. Когда с Йонг закончили, она чувствовала себя совсем разбитой и хотела только одного – провалиться в глубокий сон на неделю.

Уснуть, забыться, оставить мир, в котором всё слишком громкое и слишком правильное, в котором о войне с Японией читают в учебниках по истории, а великих генералов превращают в кумиров страны и возводят в их честь статуи и музеи.

– Она в порядке, – сказал врач Юне, которая успела сгрызть ногти от волнения за Йонг. Юна удивлённо моргнула. – У неё истощение и анемия, недостаток витаминов, всё это привело к слабости и упадку сил, и, видимо, поэтому ваша подруга потеряла сознание. Но касательно вашего запроса... Она в порядке.

– Да? – не поверила Юна и посмотрела на Йонг с ещё большим недоверием, чем прежде. – Вы уверены? Я просто...

– Я же говорила, – вздохнула Йонг. – Пожалуйста, давай поедem к тебе и я посплю.

Она вспомнила строгий наказ *ёнгданте* и добавила, теперь не чувствуя ничего:

– И поем. Посплю и поем, да.

* * *

– Твоя мама тебя искала, – сказала Юна уже в миниатюрной квартире, где жила одна. Йонг кивнула своему отражению в зеркале. Она стояла в ванной, слушала, как течёт из крана чистая вода, и смотрела на себя – спокойно, не торопясь и не ожидая сигнала тревоги – впервые за долгое-долгое время.

Запавшие глаза, бледная кожа с пигментными пятнами, появившимися под ярким чосонским солнцем без защиты из крема, сухие потрескавшиеся губы, потускневшие волосы. Её отражение отличалось от того, какое Йонг помнила. Она была не похожа на себя прошлую и гадала сейчас, точно ли вернулась сама, а не отправила через вселенные отголосок себя прежней, призрак-вонгви.

– Я сказала ей, что ты ушла на свидание с Рэв... с этим ублюдком, – добавила Юна. Йонг с трудом оторвала взгляд от зеркала и посмотрела на застрявшую в дверях ванной Юну.

Теперь и та старательно избегала имени Рэвона, как Йонг в первые дни в не-Чосоне. Забавно, подумала Йонг отстранённо, с удивлением отмечая, что слушает себя будто со стороны, будто отделилась от тела и наблюдает за собой с вниманием учёного, открывшего новый вид живых организмов. Что будет делать это потерянное существо, если давить на больное, если ковырять открытую рану и втирать в неё яд из слов, которые не должны бы вызывать боль при других обстоятельствах.

– Я хочу есть, – сказала Йонг. Юна покивала и больше ничего говорить не стала. Ушла в кухню, и через мгновение Йонг услышала, как включается электрический чайник и закипает вода в рисоварке.

Эти звуки были непривычными, почти чужими. Йонг стояла посреди ванной, слушала мерное бульканье воды и с неудовольствием отмечала, что оно не похоже на кипение супа в походных котлах.

У неё ушло неприлично много времени, чтобы умыться и расчесать спутанные волосы пальцами. Йонг воспользовалась кремом Юны, втирая его в щёки так сильно, что кожа покраснела и пошла пятнами. Ещё несколько месяцев назад она отдала бы что угодно за баночки тонера и эмульсии. Несколько месяцев – или несколько часов? Йонг не пыталась даже понять, почему в этом мире прошло так мало времени.

Может быть, она всё ещё спит и совсем скоро проснётся в деревне у Конджу.

Она снова посмотрела на себя в зеркало. Повернула голову влево, открывая своему отражению изгиб шеи. Ничего нет, никакой змеиной чешуи, оставшейся после имуги. Кожа там была гладкая, а не шершавая, какую Йонг трогала в не-Чосоне.

Она уронила руки вдоль тела. Великий Лазурный Дракон, как она устала...

Йонг повернулась спиной к зеркалу и вышла, не заметив, что её отражение, затормозив, несколько мгновений дрожало в нерешительности и только потом нехотя ушло за ней следом.

Юна ждала её в кухне. Йонг села на предложенный стул – гладкий, с твёрдой спинкой. Не деревянные доски, оставляющие на паджи занозы, а на бёдрах – кривые синяки.

Перед ней стояла чашка белоснежного мягкого риса и остаток кимчи-чиге³, Юна пододвинула Йонг вилку с ложкой и тоже села. Они ели в молчании: Юна следила за каждым движением Йонг и не знала, можно ли что-то сказать, Йонг тоже не вызывалась на разговор. Рис был мягким и ароматным, кимчи-чиге острым, как надо, и вода в стакане была свежей и абсолютно прозрачной.

– Меня тошнит, – призналась Йонг после того, как не смогла проглотить и половины своей порции. Юна покивала и отодвинула от неё чашку с рисом.

– Давай налью ещё воды. И дам тебе снотворное, оно поможет уснуть.

Позже, когда они разложили futon и Йонг лежала на полу небольшой комнаты и смотрела в потолок, Юна тихо спросила:

– Ты расскажешь мне, что случилось?

Йонг медлила. Она поворочалась, чувствуя, что мягкий futon не приносит ей расслабления, вытащила подушку из-под затылка и сжала её между колен.

– Я была в Чосоне, – сказала Йонг наконец. – В Чосоне, где есть дракон.

Юна слушала не перебивая, и Йонг даже не пыталась угадать, какой безумной кажется. Она рассказывала про драконье войско, про генерала Тоётоми, про то, что Рэвон был его помощником и натворил бед. Про Ли Хона и его подвиг, про то, каким милым и бесконечно добрым был Вонбин и каким смелым он оказался. Про Лан и её ритуалы, про силу стихий и Великий Цикл.

И про дракона. Йонг рассказывала Юне про Великих Зверей, упоминая Лазурного Дракона, как часть Цикла, и остановилась, как только языка коснулось имя капитана. Она не смогла произнести его вслух, и даже отголосок, который она едва задела, обжёг ей нёбо.

– То есть тебя спас парень-дракон? – серьёзно спросила Юна. Йонг кивнула, чувствуя, как горло стискивает удушливое объятие боли. Юна выдохнула: – Вот это тебя приложило головой...

Йонг не стала оправдываться. Она проглотила колючий ком, застрявший в горле, тот провалился в грудную клетку, процарапав все дыхательные пути, и только тогда смогла ответить:

– Да. Да, чего только не привидится в обмороке.

Она повернулась на бок, поймала в стоящем у стены высоком зеркале отражение своих глаз и зажмурилась. В полоске света, бившего с улицы из окна, её глаза блеснули зелёным, зрачок на короткий миг задрожал и сжался. Йонг моргнула. Глаза были её, обычные.

Показалось.

³ Корейское блюдо, рагу из кимчи. Кимчи – блюдо корейской кухни, представляющее собой остро приправленные квашеные (ферментированные) овощи.

* * *

Йонг вернулась домой на следующий день. Это был вторник, Юна убедила её взять отгул на всю неделю, чтобы отдохнуть, и руководителю Паку сообщила, что Йонг заболела. У неё на руках было вчерашнее заключение врача, и врать даже не пришлось.

Когда Йонг вошла в квартиру, пропитанную знакомым запахом, то впервые поняла, что вернулась домой, и пошатнулась от почти забытого ощущения. Она чуть не упала, с трудом, хватаясь за стены, добрела до своей комнаты. Родители были на работе, и, хоть Йонг не видела их очень долгое время, встречаться прямо сейчас с ними не хотелось. Не могло же даже: Йонг сразу же начала бы плакать и испугала этим маму.

Она упала на свою кровать – мягкую, уютную, такую не похожую на циновки в старых гостевых домах не-Чосона – и провалилась в глубокий сон. Прошлой ночью ей снился омут, Великое море, в котором она провела... дни, недели, годы? Море схлынуло с первой трелью будильника Юны, оставив после себя в душе Йонг липкий холод, и домой она ехала с не покидавшим её ощущением, будто что-то забыла.

Себя. Она забыла себя в омуте, потеряла важную часть, о которой даже не знала, пока не очутилась на дне Великого моря. Лан говорила ей, что оно было первым миром из всех существующих, средоточием Великого Цикла, его колыбелью. Тогда Йонг оставила в море свой след, отголосок своей Ци.

Она вернулась в не-Чосон другой и знала это ещё до того, как Лан провела над ней ритуал, проверяя изменившуюся Ци. Не ослабевшую, не окрепшую – просто другую.

Её Намерение, И, тоже изменилось, но Лан никак это не прокомментировала, только нахмурилась, когда Йонг спросила её. Должно быть, шаманка с самого начала знала, что ни Энергия, ни Намерение не дадут Йонг силы достаточной, чтобы остаться в мире не-Чосона.

Теперь Йонг проваливалась в глубокий сон без сновидений в своём родном мире и напоследок думала лишь о том, что бороться со Вселенной, когда та решила восстановить баланс, не сможет никто. Даже Дракон.

Проснувшись она к вечеру, снова выныривая из моря. Там Йонг никого не увидела, но чувствовала, словно находится под наблюдением. Кто-то следил за ней, вбирая по капле остаток её Ци, к которой она не была теперь привязана. Ощущение холода не покинуло даже с пробуждением, и Йонг встала, кутаясь в одеяло.

– Сон Йонг? – позвала мама с кухни. Голос пререзал тишину квартиры, Йонг хрипло ахнула и почти вылетела из комнаты.

– Мам?

Та стояла у стола, на котором оставила завтрак.

– Ты ничего не ела? Я для тебя приготовила, думала, ты заглянешь утром.

Йонг кинулась к ней, обняла, вжимая себя в её тёплое тело. Как она и думала, – заплакала сразу же, пряча лицо на плече мамы.

– Что случилось? Ты в порядке? Йонг, да у тебя озноб!

Йонг плакала, пока мама гладила её по волосам и обеспокоенно причитала, бормотала что-то о лекарствах. Всё было таким знакомым, таким родным и настоящим, что Йонг сдалась.

Она не спит, всё происходит с ней на самом деле, и она больше не проснётся в селении рядом с Конджу. Она вернулась в родной мир. Эта мысль разорвала её изнутри.

Добро пожаловать домой, Сон Йонг.

2

Она проводила дни, медленно вышагивая по квартире. Трогала руками гладкие стены, касалась фотографий в рамках на книжных полках, уставленных книгами по истории и папками с копиями исторических документов. Смотрела, как солнце, катясь по небосводу, высвечивает оставленные на рабочем столе тетради с записями для космического института, в которых теперь находила ошибки.

Все предположения Йонг о чёрных дырах оказались куда слабее и ненадёжнее реальных фактов, и, может быть, ей стоило бы исправить свои заметки, а потом принести в институт и заработать славу умницы, какая была у Рэвона. О работе совсем не думалось. То, что раньше казалось важным, потеряло свое очарование где-то в горах по дороге от Тоннэ до Конджу.

Йонг рассматривала себя в зеркале, подолгу наблюдая за своим отражением. За исключением потухших глаз и подпорченной кожи, она выглядела вполне сносно. Достаточно *правильно* для той, кто шатался между мирами, уповая на помощь мистических сил, одно слово о которых в этом мире заставило бы окружающих поднять её на смех.

Шея была абсолютно чистой. В не-Чосоне змеиная чешуя, тянувшаяся от уха и уходящая вниз, к правой лопатке, вызывала ужас у Юны и Чхонги и настороженные взгляды Чунсока и понимающие, но сердитые – у его капитана. Но здесь, в её мире, у Йонг была гладкая кожа с неровным загаром, повторяющим форму воротника чогами. В её мире не было магии, не было Великих Зверей, защищающих полуостров. И Дракона, а вместе с ним и имуги, здесь не было.

Её вселенная отторгала магию, принимая ту только в сказках и легендах приморских деревень, где ещё жили отголоски древних поверий.

Нет никаких имуги, пожирающих юных девушек. Не существует никаких Драконов.

Ты – обычная жительница Южной Кореи, Сон Йонг. Ты не змея, и не нужна тебе чешуя на шее, как напоминание о мифическом путешествии.

Чтобы принять эту данность, ей потребуется много времени. Вся жизнь, должно быть.

Йонг уходила от зеркал, уговаривая себя, что с ней всё в порядке, что она выдает желаемое за действительное. Только стоя под душем, она выворачивала холодную воду до упора, потому что горячая жгла кожу, словно огонь. Йонг мёрзла, но горячие ванны не спасали, не согревали тело, ведь холод сидел у неё в груди и набирал силу каждую ночь, и ослабевал только днём, когда она пыталась занять себя хоть какими-то делами.

В предпоследнюю ночь своего больничного Йонг лежала в спальне без сна и слушала, как гудят за окном автомобили и как разговаривают старики, пьющие соджу у круглосуточного магазина на углу.

– Тебе нужно собраться, Сон Йонг, – уговаривала она себя. – Тебя ждёт работа. И слухи коллег. И жизнь. В конце-то концов!

Она разозлилась, побила вялыми руками по одеялу. Может, всё-таки обратиться за помощью к психотерапевту? Никто не будет ждать, пока её отпустят приступы дереализации, никто не посочувствует её горю – не так, как она хотела бы. Все уже считают, что её обокрал парень, но за спиной, Йонг полагала, будут шептаться, что она сама виновата. Ким Рэвон был порядочным молодым человеком, он не мог так поступить с этой выскочкой из маленького отдела! Да кем она себя возомнила, если думала, что такой гений и красавчик к тому же поведётся на её наивность?

Йонг сама всё придумала, чтобы себя выгородить, так будут говорить на обеденных перерывах, замечая её в кафетерии института. Йонг сошла с ума – так все решат, если она скажет правду.

Чтобы противостоять своему миру, ей нужны силы.

Проклятье!

Подушка мягкая. Кровать пружинит. Одеяло тёплое и на ощупь слишком приятное.

Йонг сдёрнула его на пол и скатилась туда сама, легла на спину, представляя, что потолок её комнаты превращается в соломенную прохудившуюся крышу старого домика в заброшенной деревне, что её ночь заполняет не тиканье настенных часов в соседней комнате, а мерный стук топора за окном, шелест бамбукового леса в двух шагах от дома.

Представляя, что в низине заброшенной деревни капитан драконьего войска раздаёт приказы своим воинам и скоро придёт к ней узнать, как прошёл её день, поела ли она и хорошо ли устроилась.

– *Мер'тонг*⁴, – шёпотом проговорила она со злостью. Когда ей никто не ответил и не сказал, что выражаться так молодой госпоже не следует, Йонг тихо заплакала.

А когда пришёл рассвет нового дня, Йонг решила, что ей пора возвращаться в реальность. Несколько беспокойных часов сна подарили ей только воспоминание о змеином шипении на дне Великого моря, но после пробуждения она снова списала всё на усталость.

* * *

«Меня зовут Сон Йонг», – повторяла Йонг, пока шла знакомой дорогой до института. Папа подвёз её до сквера и неуверенно пожелал удачи, когда Йонг отказалась от его сопровождения. Родители чувствовали себя не в своей тарелке, наблюдая за дочерью всю неделю, но Йонг выдала им равнодушный рассказ о том, что Рэвон кинул её и сбежал с какой-то суммой денег, которую она ему якобы одолжила.

Мама не поверила, папа сказал, что так и знал: не может человек, путающий реальную историю с какими-то домыслами, быть нормальным. Но когда Йонг пригласили в полицейский участок дать показания насчет Рэвона, мама тоже признала, что тот казался ей слишком уж угрюмым.

– Правильно. Такой молчун тебе не подходит, милая, – говорила она за ужином. – Тебе нужен кто-то весёлый и разговорчивый. И обеспеченный, конечно же.

«О, мама, – думала Йонг, кривя губы в невольной усмешке. – Знала бы ты, какого весёлого и разговорчивого я выбрала. И обеспеченного, ну да...»

Но разубеждать её Йонг не стала.

«Меня зовут Сон Йонг, – старательно повторяла она, подходя к знакомому зданию института. Зеркальные панели, покрывающие всю высотку, отражали яркий солнечный свет и встречали её, как родную. – Мне двадцать четыре года. Я работаю младшим помощником в отделе S2, изучаю чёрные дыры. Меня только что обокрал и бросил парень, и я могу выглядеть выбитой из колеи. Но не могу позволить себе пропускать работу».

Не могу позволить себе пропускать жизнь.

С этой мыслью Йонг толкнула двери здания и вошла в прохладный вестибюль, из которого уходила три месяца назад, хотя никто не заметил её отсутствия.

Ладно, Сон Йонг. Ты справилась с чёрной дырой и японцами. Справишься и с этим.

Она поднялась на пятый этаж, несколько раз глубоко вдохнула, стоя перед закрытыми дверьми своего отдела. Сегодня она даже не опоздала, хотя могла бы, видят духи.

Когда Йонг вошла, разговоры её коллег прервались как по команде. Все повернулись в её сторону, окинули внимательными взглядами. Йонг выпрямилась, вскинула подбородок.

– Доброе утро, – поздоровалась она. Юна подскочила к ней первой и подхватила под руку.

– Наконец-то ты пришла! – затараторила она, уводя Йонг от рядов с хмурыми коллегами в их уголок к Тэгёну. – Я тут умираю со скуки, а Тэгён не хочет ходить со мной на обед, потому что ест какие-то европейские салатики, и...

⁴ Проклятье (драконий язык).

– Эй! – отозвался Тэгён со своего места. – Я пробую кухни народов мира!

– Салат из шпината и авокадо не международная кухня, а еда для коров! – тут же бросила Юна.

Йонг слабо улыбнулась. В маленьком закутке её отдела ничего не изменилось, и хотя бы здесь, возможно, она сможет восстанавливаться спокойно.

Она прошла к своему столу. Оставленные с прошлой недели – прошлого столетия? тысячелетия? – бумажный стаканчик и обёртка от батончика лежали на клавиатуре, ноутбук зажёгся от одного несмелого прикосновения, словно всё это время терпеливо ждал её возвращения.

– Ты попозже всё нам расскажешь, да? – потянулся Тэгён через перегородку между их столами. Йонг подняла к нему глаза и медленно пожала плечами. – Брось, я понимаю, что это щепетильная тема, но вокруг тебя и Рэв... – Юна зашипела на него, точно кошка, и Тэгён сник. – Вокруг тебя и того парня столько слухов уже ходит, один другого краше. Разорви этот порочный круг, а?

– Тебе презентацию сделать? – усмехнулась Йонг, чувствуя, как от болтовни Тэгёна у неё в душе теплеет. Ночной холод ослабевал, будто его морозные пальцы, стискивающие сердце, таяли от привычной атмосферы, и Йонг позволила себе улыбнуться.

Тэгён почувствовал себя победителем.

– Давай мы угостим тебя пивом с курочкой. Сегодня вечером, как раз познакомишься с нашим новым коллегой.

– С кем? – не сразу отреагировала Йонг, погружаясь в данные на экране рабочего ноутбука. Интересно, её отчёт всё-таки прошёл проверку на демо-дне? Как вообще прошёл клятый демо-день? Рэвон ведь не явился на собрание, это точно вызвало у руководства возмущение.

– Кстати, да! – подхватила Юна, передавая Йонг стаканчик с кофе. Йонг взяла его одной рукой, не глядя, и сделала глоток, пока подруга рассказывала: – Помнишь, к нам должны были перевести сотрудника из М87? Так вот, он просто милашка и умный парень, уж не знаю, зачем на него столько наговаривали... Я слышала, его сонбэ⁵ Рэв... тот ублюдок попросил перевести, вроде как они не ужились. Ой, а вдруг его теперь вернут обратно, раз сонбэ... того ублюдка больше нет, а?

Йонг слушала её вполуха, пропуская имя Рэвона через сито собственных размышлений. Она уже думала о том, что Рэвон, скорее всего, украл личность реально живущего в её мире человека, потому что провёл тут не так много времени, чтобы обзавестись приличным резюме его уровня. Стоило ли сказать об этом Бо Чжихону, полицейскому с лицом Чжисопа, который вёл дело?

– Э, да брось! – возразил Тэгён. – Старший помощник Тэ сказал, что он сам подал заявку на перевод, зачем ему возвращаться? Кадровый отдел порежет его в шредере, если он будет так скакать с этажа на этаж! О, а вот и он! Сон Йонг-щи, познакомься!

– М-угу, – промямлила Йонг, повернулась на стуле к дверям и подняла взгляд на стоящего там человека в приталенном брючном костюме.

Рука, держащая стаканчик с кофе, дрогнула, и Йонг выронила его прямо себе на колени, напиток разлился по полу и брызнул ей на брюки, но она этого не заметила.

– Старший помощник Тэ, это наша... Сон Йонг?

Её затошнило, сердце забралось прямо в горло и запульсировало там, не давая вздохнуть.

Нет, не может быть. *Нет-нет-нет*. Йонг почувствовала, как под ней проламывается пол и она летит вниз, сквозь темноту чёрной дыры обратно в не-Чосон.

– Тэ Нагиль, – представился новый сотрудник её отдела и поклонился. – Приятно познакомиться с вами, Сон Йонг-щи.

⁵ Обращение младшего коллеги к старшему по корейскому этикету.

На Йонг смотрел капитан драконьего войска в чёрном костюме с торчащим из нагрудного кармашка зелёным платком. Когда он выпрямился и неуверенно улыбнулся, показывая ровный ряд белоснежных зубов, Йонг поняла, что не может дышать от страха.

* * *

Она отпросилась в туалет, бормоча что-то про штаны и кофе, – сбежала, огибая нового коллегу по широкой дуге, лишь бы не столкнуться, *не коснуться* его. Теперь она стояла над раковиной, растирала по светлым брюкам большое коричневое пятно – и думала, думала, думала.

Драконова оспа, его даже зовут точно так же!

Йонг зажмурилась до белых точек, и на внутренней стороне век сразу же отпечаталось, как яркая вспышка, лицо старшего помощника Тэ. Улыбающееся лицо человека, которого она знала другим.

Короткие модно уложенные волосы, выбеленная гладкая кожа... Весь, весь он от головы до спрятанных в брюки ног выглядел издёвкой. Йонг представляла себе прежде, каким капитан драконьего войска мог предстать перед ней в её мире, – и вот, пожалуйста! Любуйся, Сон Йонг! Как он несмело улыбается, будто знает тебя и просто боится напугать, как стоит перед тобой, словно сам явился из не-Чосона следом, лишь бы отыскать в незнакомом для себя мире, как...

Йонг проглотила сухой ком в горле, закашлялась. Отвратительное ощущение, ужасное. Она пообещала себе не плакать больше, и жестокая вселенная решила взять её на слабо, дала понять, что возвращение из не-Чосона будет её наименьшим испытанием. Жизнь в родной реальности рядом с людьми, которых она знала не здесь и не такими, – вот настоящая проблема.

Как она вернётся в офис, где теперь с ней работает этот человек?.. Йонг даже не может назвать его по имени, произнести его хотя бы в мыслях.

От этого становилось тошно, горько. Больно до того, что спирало дыхание.

– Соберись, – сказала Йонг своему напуганному отражению. – Духи тебя заберут, соберись, Сон Йонг. Он обычный парень, и нет в нём ничего особенного.

Он – не твой капитан.

Йонг сполоснула горящие щёки, стёрла потёкшие тени тыльной стороной руки по привычке, забывая о салфетках. Наплевать, как его зовут и как он выглядит. Он – не Наг...

– Я бы на твоём месте не стала так говорить, – раздалось вдруг у Йонг за спиной, и она вздрогнула. Из кабинки вышла Харин, сотрудница М87. Она работала вместе с Рэвоном и, по слухам, проявляла к тому самое определённое внимание, но Рэвон всегда утверждал, что не провоцировал её и ничего не обещал.

Ну, теперь-то понятно, что у Харин не было и шанса заполучить красавчика гения. Не родилась в год Дракона и не несёшь в себе Ци, чтобы стать Драконом? Попрощайся с мыслью о парне из другой вселенной.

Йонг поджала губы, но Харин расценила этот жест не так, как предполагалось, и тут же хмыкнула.

– Этот придурок тебя обокрал и бросил, а ты всё ещё по нему сохнешь? – спросила она, не глядя в сторону Йонг, пока мыла руки. – Какая жалость. Я думала, ты сильнее.

Не бросил. Закинул в не-Чосон, показал новый мир и обратил морским змеем, но Харин знать это было не обязательно.

Йонг повторила её усмешку – на свои эмоции сил у неё не хватало – и пожала плечами.

– Я не о нём говорила, – ответила она. Харин вскинула одну бровь и посмотрела на неё в отражении.

– Нет? *Омо*⁶, нашла себе новую любовь? Так скоро!

– Я не... – Йонг поморщилась, покатила в голове все возражения, какие могла бы привести в этом выматывающем диалоге с Харин, и плюнула на всё. – Неважно. Я не про Рэвона говорила.

Харин ей не поверила, но отвечать не стала. Окинула Йонг внимательным взглядом, поцокала языком и вышла, оставляя её наедине с грязными брюками и мыслями, рвущими на сотню маленьких испуганных девочек.

Нет, прочь всё это. Йонг должна взять себя в руки, вернуться в грёбанный офис и делать свою работу. Воспоминания о не-Чосоне и капитане драконьего войска следует запечатать в самых дальних уголках подсознания, наложить мощный защитный талисман и никогда, никогда туда не заглядывать! Только так она сможет функционировать в своём мире и жить согласно его законам.

Нет никаких Драконов. Нет никаких капитанов.

Йонг взглянула на себя в зеркало и вышла, снова заставляя своё отражение медленно ползти следом.

* * *

Старший помощник Тэ работал над проектом под руководством господина Ли, и с Йонг они не пересекались хотя бы во время рабочего дня. Йонг пряталась в своём углу офиса, весь круг общения свела до Юны и Тэгёна, а к столу руководителя Пака подходила, когда рядом никого не было, что давало ей хоть какую-то защиту. В обед она пряталась на лестничной площадке своего этажа и сидела там в одиночестве, хотя Юна настойчиво просила её спускаться в кафетерий с остальными.

Йонг ела домашнюю еду – мягкий рис, тёплый омукук⁷, любимый чиге, приготовленный мамой. В не-Чосоне она скучала по красному перцу и соли, а теперь старалась не добавлять ни того ни другого – все блюда казались слишком острыми, слишком солёными, будто за те несчастные три месяца Йонг позабыла истинный вкус корейской кухни.

Чиге без острого кимчи было пустым, а пибимпаб⁸ с несолённым мясом – пресным, но Йонг теперь плохо переваривала любую еду с добавлением специй.

– С этим нужно заканчивать, Сон Йонг, – сказала она себе на очередном обеденном перерыве, наблюдая в панорамное окно лестничной площадки протекающие по небу облака. Было солнечно, стояла прекрасная летняя погода. У Йонг на душе бушевали ветра и ливни.

Мер'тонъ. Она мысленно выругалась, чувствуя, что слово на *ёнглинъ* не вонзается, словно дракон, ей в сердце острыми когтями. Со временем она перестанет чувствовать и отголосок прежней боли. Когда-нибудь всё пройдёт.

В нём была вся проблема – во времени. Здесь, в родном мире Йонг, оно словно тянулось в два раза медленнее: дни нехотя сменялись ночами, ночи перетекали в новые дни лениво, каждый раз задерживая на небе вяло растущую луну. Йонг хотела бы не ощущать течения времени вовсе, прокрутить, как неинтересную серию дорамы, год, а то и два жизни.

Она бы работала, спала, снова работала, не замечая, как сезоны сменяют друг друга, как лето переходит в осень, та – в зиму, потом в весну и снова в лето. Не считала бы, прошло ли в не-Чосоне столько же дней, успели ли японцы до холодов захватить Хансон или же драконье войско оттолкнуло их и снесло с полуострова раньше.

⁶ Восклицание-междометие, что-то вроде «О мой бог!» (*корейск.*).

⁷ Корейский суп с рыбой.

⁸ Корейское блюдо – рис с овощами, грибами, яйцом и мясом.

– Хватит, – разозлилась Йонг. Жалеть себя было не в её правилах, но уже почти месяц она лелеяла своё одиночество, тоску и фантазии о несбывшемся, как драгоценные жемчужины, словно морской змей из сказки⁹, и не хотела с ними расставаться.

– *Мер'тонъ*, – повторила Йонг сердито. – Пошло это всё в *талъцим*¹⁰.

Пролётом ниже кто-то резко чихнул, эхо пронзило лестничную площадку от первого этажа до последнего, и Йонг дёрнулась, будто её обожгло неожиданное присутствие чужака.

– П-простите, – раздалось снизу. Застучали по ступеням туфли, зашуршала чья-то рука, скользящая по перилам.

Йонг почти не удивилась, когда к ней поднялся старший помощник Тэ. Кого ещё могла привести судьба в её укрытие? Только человека, которого Йонг избегала всеми силами.

– Вы, – выдохнула она со сдерживаемой злостью. Видеть лицо, по которому Йонг скучала больше всего на свете, у человека совсем другого, было невыносимо и в переполненном офисе, когда вокруг них кипела работа и сновали туда-сюда люди. На лестничной площадке, пустой и тихой, где пряталась только Йонг, смотреть в глаза старшему помощнику Тэ было сушей пыткой.

– Простите, – повторил он. Йонг упорно отказывалась называть его по клятому имени. – Я не хотел подслушивать, это вышло случайно.

– Ничего, – сухо ответила Йонг, избегая смотреть на его лицо и отводя взгляд куда угодно, только не на него. Она сидела, он стоял несколькими ступенями ниже. Прятать взгляд получалось с трудом.

Старший помощник Тэ замялся, постучал пальцами по перилам. От него пахло приличным парфюмом и чистотой – кондиционером, должно быть, в котором он стирал свои белоснежные выглаженные рубашки. На нём был тёмно-зелёный галстук.

Йонг отвернулась к окну, чтобы не разглядывать его одежду, ладно сидящую на хорошей фигуре. Широкоплечий, высокий. Они даже роста были одинакового – не иначе, чтобы в этом мире издеваться над Йонг и морочить ей голову!

– Вы избегаете коллег? – спросил старший помощник Тэ. Когда Йонг не ответила, только пожав плечами, он добавил, уже менее уверенно: – Или вы избегаете *меня*?

Йонг моргнула, не поворачивая головы, замерла. Нежелание общаться с кем-либо в офисе надёжно скрывало её личную неприязнь, и она полагала, что не знакомый с ней старший помощник вряд ли заметит разницу в том, как она бегала от него и от остальных сотрудников.

Но он, похоже, был наблюдателен. Как и сама Йонг, которая замечала каждую новую деталь в его гардеробе, даже если старалась не смотреть в сторону его стола через три ряда от неё и не провожать его взглядом через весь офис.

– Я избегаю всех, – ответила Йонг. – Лично к вам это не имеет отношения.

Она пыталась говорить спокойно, но выбитые в скалах её сдержанности слова срывались с языка валунами и превращали всю её речь в землетрясение. Прямо сейчас Йонг в самом деле дрожала.

– Мне так не показалось, – ответил старший помощник Тэ и чуть наклонился, пытаясь поймать её взгляд. Йонг зажмурилась.

– Послушайте, вы!.. – начала она и остановилась. Злиться на человека за то, что он носит чужое лицо, Йонг не могла. Либо держи себя в руках, либо иди к психотерапевту, Сон Йонг. Она вздохнула и закончила, прочистив горло: – Вы не знаете меня, старший помощник Тэ. Не стоит делать поспешных выводов.

– Тогда, может, посмотрите на меня? – спросил он.

⁹ Миф о девочке по имени Онъль упоминает морского змея, держащего три жемчужины.

¹⁰ Ад, пучина, бездна; место, откуда не возвращаются и о котором не говорят (*драконий язык*).

Йонг вела себя грубо даже с точки зрения общепринятых норм поведения. Имело ли это значение для неё теперь? Но она сжала руки в кулаки, спрятала их в складках юбки и повернулась лицом к старшему помощнику Тэ, собирая в груди всю свою смелость. Она сможет смотреть ему в лицо, у неё получится. В конце концов, он не был чудовищем.

– Я смотрю, – выдохнула Йонг.

Обрамлённый ярким солнечным светом, преломляемым в выгнутом стекле высокого окна института, старший помощник Тэ выглядел совсем нереальным. Будто это Йонг его выдумала, вытащила из своих фантазий в реальность.

– Спасибо, – сказал он и улыбнулся. Спокойной ровной улыбкой, такой не свойственной знакомому Йонг лицу.

Внезапно она подумала, что могла бы привыкнуть к новому выражению этого лица, если бы постаралась. Она много чего могла сделать при должном усердии. Она победила в себе морского змея и пересекла целые вселенные, дважды. Привыкнуть к этому лицу у неё тоже получится.

– Понимаю, вам сейчас непросто, – сказал вдруг старший помощник Тэ. – Но могу я попросить вас о снисхождении?

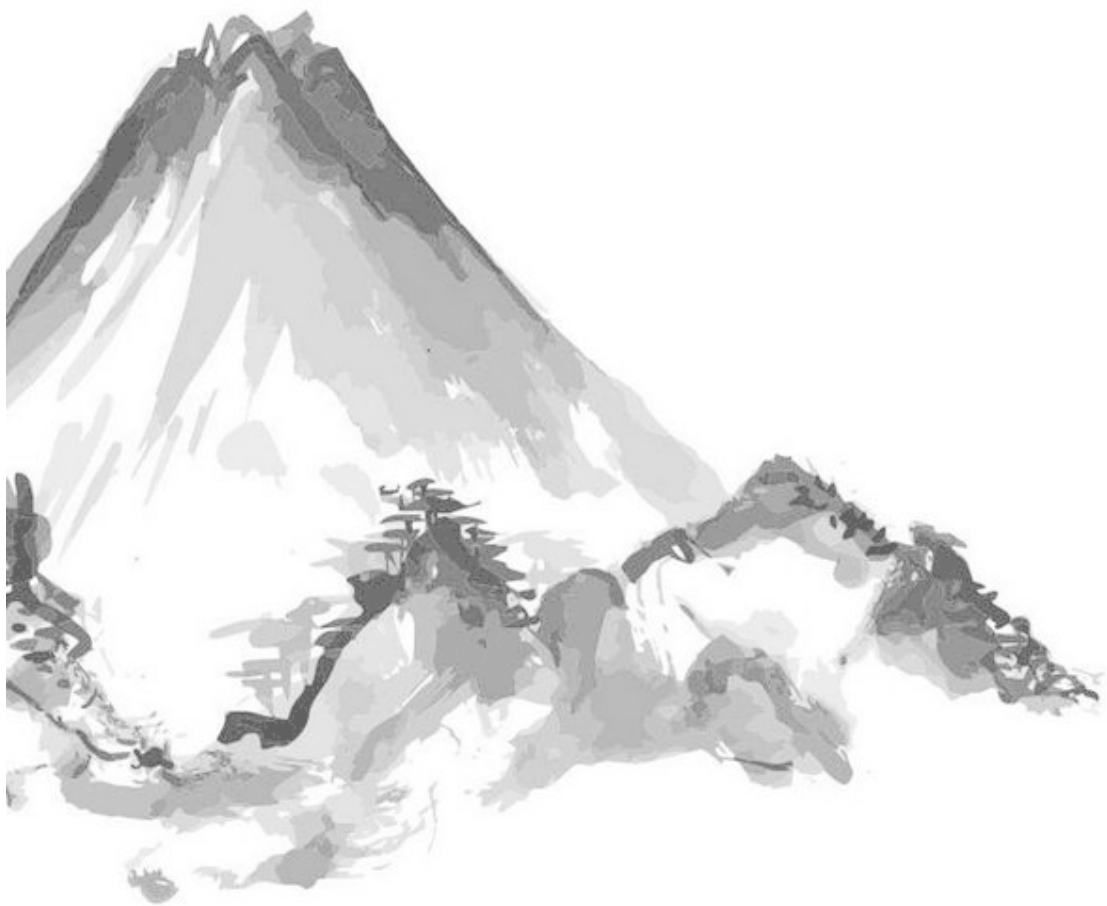
Йонг склонила голову, нащупывая в сердце те крупинки уверенности, которые были в нём прежде. Она позволила себе тонуть в апатии, забывая о силе духа, и теряла себя всё больше. Не такого будущего желал ей капитан драконьего войска.

– Это мне следует просить о снисхождении, – возразила Йонг. – Вы старше меня по положению и, вероятно, возрасту.

Старший помощник Тэ улыбнулся снова.

– Но это вы кажетесь неприступной, – ответил он с доброй усмешкой. – А мне хотелось бы узнать вас получше. Согласны, госпожа Сон Йонг?

Великий Предел

3

Конджу, Чосон, начало лета 1592 года, год Водяного Дракона

О том, что король умер, Нагилью сообщил генерал Хигюн. Трагичную новость ему донесли тем вечером, когда закрылся Глаз Бездны, и позже, когда, преодолевая усталость бесконечного дня, Нагиль сидел без сна в своём шатре, он думал, что Хигюн был в курсе обо всём уже какое-то время.

Никаких официальных заявлений не было, о смерти короля Чосон не знал, и поминальных служб ещё не проводили. Печальная весть стала бы ударом для всей страны, но Нагиль полагал, что похоронный обряд над телом государя чиновники всё же провели, но без огласки. Скорее всего, умер король от продолжительной болезни, которой страдал со времён первой войны. Умер без помощи посторонних – иначе Совет бы уже выступил с заявлением. Это изменило бы ход войны, привело к Совету больше людей, обладающих властью.

Либо Хигюн врал и король всё ещё здравствовал... Только Нагиль верил, что генерал не мог обманывать, когда дело касалось государя. Да и что это поменяло в отношениях между генералом и капитаном? Драконье войско давно не подчинялось королю, у Хигюна не было

нужных рычагов, чтобы оказывать давление лично на Нагиля. Смерть короля ничего не изменит в планах *ёнгданте*.

Свою единственную слабость Нагиль отдал Бездне. Сейчас никто и ничто не могло задеть его больше, чем отсутствие госпожи.

– Тебе надо поехать в Хэнджу, – сказал Хигюн в шатре, морщась от каждого движения. Отравленную ядом имуги руку он отрезал себе выше локтя, и теперь плотно обвязанный тряпьем обрубок причинял ему боль, даже когда он просто стоял перед Нагилем и хотел выглядеть злым и несгибаемым военачальником огромного войска, перед которым капитан какой-то сотни воинов должен был благоговеть и в смирении ждать приказов.

– Японцы всё ещё стоят под Конджу, – возразил Нагиль, и генерал заскрипел зубами от злости. – Вы предлагаете мне оставить моих людей без поддержки и ехать на поклон к покойнику?

– Придержи язык! – взорвался Хигюн, потрясая в душном воздухе мечом, зажатым здоровой рукой. – Король умер, а ты злословишь!

– Даже дух его величества согласится с тем, что в нашем положении я не могу бросить войско в угоду традициям и условностям, которые...

– Это не условности, – оборвал генерал. Нагиль смотрел на него без единой эмоции в лице, и Хигюн вздохнул и заговорил уже более спокойным тоном: – Отправляйся в Хэнджу, предстань перед Советом. Ты должен добиться расположения чиновников, раз король почил.

– Совет я уважаю ещё меньше, чем короля.

Хигюн снова вскипел, но на этот раз трясти оружием перед равнодушным капитаном не стал. Поморщился, остановил себя от того, чтобы хвататься за обрубок руки, и покачал головой. Нагиль молчал.

Обычай велели ему поехать в Хэнджу, попрощаться с его величеством, возможно, помочь переправить тело в столицу и проводить его дух в иной мир. Военное положение обязывало оставаться на месте. Хороший командир выстраивает новые стратегии по освобождению земель своей страны. Опытный политик ищет выгоду в открывшейся правде о короле.

Нагиль скривил губы, теперь не пряча неудовольствие от генерала Хигюна. Тот хотел сделать капитана фигурой на политической арене и двигать им, как камешком на доске в «Драконе и Фениксе». Нагиль не был камнем и не хотел следовать правилам грязной игры, в которой понимал мало.

– Отправляйтесь сами, генерал, – добавил он, когда в повисшем между ними молчании воздух совсем раскалился, а напряжение можно было ощутить на кончиках пальцев. Генерал Хигюн с раздражением выдохнул и огляделся в поисках стула. Нагиль жестом предложил ему разложенную на полу циновку.

– Видят духи, упрямство сведёт тебя в могилу, – сказал генерал и сел, аккуратно придерживая покалеченное плечо. – Я пытаюсь помочь тебе, а ты противишься, как мальчишка. За измену я давно должен был представить тебя суду и казнить, но я здесь, предлагаю решить все разногласия с Советом путём мирным и бескровным.

– Склонить голову и безропотно подчиняться приказам Совета, – заметил Нагиль и тоже сел в одном бу¹¹ от циновки генерала. – Я доподлинно знаю, чем оборачиваются такие действия, и бескровными их назвать никак не могу.

Генерал Хигюн почесал подбородок с редкой бородой, которую в мирное время сбрасывал, оставляя жёсткую щетину. Сейчас та проросла на его лице неаккуратными пучками с отдельными длинными волосками. Генерал устал и хотел, как и все, окончания этой затянувшейся войны. Нагиль прежде считал, что Хигюн вёл битву только с Тоётоми и его планами на Чосон.

¹¹ Древнекитайская мера длины, равна примерно 1,5 метра.

Сейчас же его медленно заполняло понимание: генерал хотел переломить ход войны не только за страну, но и за власть над будущим Чосона.

Нагиль совершил ошибку, когда забыл, что в любой войне политики искали выгоды для себя, невзирая на кровавые события, раздирающие страну на части.

– Я не сообщил Совету о кронпринце, – сказал генерал Хигюн. – И никто до сих пор не знает, что он жив. Если ты вызволишь его из плена...

– Вы сделаете его разменной монетой в своих играх, – закончил Нагиль. Он тоже устал и хотел сегодня лишь одного – остаться наедине с растущей, точно луна в небе, тоской, и окунуться в её пучины. На какое-то время. На одну ночь, две, если позволят обстоятельства. Объять все воспоминания о женщине, которую он больше не увидит, запечатлеть её лицо в своих мыслях и запереть в самых дальних покоях разума.

И больше не думать о ней. Никогда.

– Или вычеркнете принца из ваших планов, если мне не удастся спасти его, – добавил Нагиль, с трудом отрывая себя от ослепляющего глаза видения, в котором Сон Йонг падала в чёрную дыру. – Вы хорошо устроились, генерал.

Тот кивнул, даже не пытаясь оправдаться.

– История пишется победителями, Мун Нагиль.

– Мы ещё не победили.

– Но можем! – с жаром сказал Хигюн. – Вытащи принца из японского плена, и мы представим его Совету, возведём на престол наследника страны. Чосон примет его как героя и спасителя, и у Совета не останется другого выхода, кроме как признать власть нового государя!

Нагиль смотрел на его лицо, пышущее показным воодушевлением. И видел за ним проступающее, словно невидимые росчерки туши на нагретой рисовой бумаге, отчаяние... Нет, не отчаяние – злость от осознания, что воспользоваться шансом завоевать доверие чиновников генералу мешает упрямый капитан драконьего войска.

– Чосон объят войной, – сказал Нагиль твёрдо. – А вы заняты расстановкой совсем иных сил и хотите, чтобы я мыслил как политик, а не как командир, в чьём подчинении находятся люди. Принц – тоже человек, генерал. Я поклялся защищать его и от своих слов не отказываюсь.

– Так защищай! – потребовал генерал Хигюн. – Я дам тебе людей и возможность спасти его, и Совет поможет, если ты просто склонишь перед ними свою глупую голову.

– Нет.

Хигюн выругался, стукнул эфесом меча по циновке. В воздух взвился столб пыли, подрожал и, отяжелев, быстро осел.

– Я спасу его, не оповещая Совет, – продолжал Нагиль. – А потом приведу в столицу, и уже его высочество будет диктовать чиновникам свои условия, как полноправный король страны.

– Совет покинул Хансон, – напомнил генерал. Нагиль кивнул.

– Но город всё ещё считается столицей, и именно туда Совет должен доставить тело почившего короля.

Хигюн вдруг фыркнул, взглянул на Нагиля из-под полуопущенных влажных век.

– Совет похоронит короля в Хэнджу, капитан. И объявит Хэнджу новой столицей, пока Чосон не оставит последний японский ублюдок.

Проклятье. Для Хансона это значило только одно: город оставят даже без видимой защиты и без сопротивления отдадут вместе с мирными жителями, верящими, что столичные толстые стены защитят их, на расправу Тоётоми.

– Хоть один человек в Совете печётся о простых людях этой страны? – спросил Нагиль, чувствуя, как оставившая его злость набирает новую силу. Видят духи, злиться он тоже устал.

Дракон в его теле забился, пытаясь вырваться на волю, и Нагилю пришлось схватиться за ворот чогори, чтобы удержать себя от порыва снести генералу голову одним махом.

Не подозревающий о внутренней борьбе капитана Хигюн ухмыльнулся, блеснули глаза в неверном свете слабого факела.

– Один – да, – сказал он. – И вот к нему тебе стоит отправиться в первую очередь.

* * *

С того разговора прошла неделя, и всё это время Хигюн оставался в Конджу и командовал частью оставшегося в городе войска. Другую часть, около пяти тысяч человек с лошадьми, оружием и провизией, генерал отправил ближе к Хансону. В лагерь драконьего войска он больше не приходил и не просил капитана явиться к себе, но Нагилю не нужно было выслушивать Хигюна лично, чтобы понимать, что значат его действия.

Я предоставляю Хансону защиту и отвоюю земли перед Конджу, тебе не нужно волноваться о простых смертных. Отправляйся в Хэнджу, капитан, и сделай то, о чём мы договорились.

Поклонись Совету, прими их помощь. Стань их марионеткой, чтобы у тебя был шанс спасти принца.

Говорить обо всём Лапе Дракона Нагиль не стал, размышляя, стоит ли явиться к чиновникам одному или взять с собой Чунсока и Чешую¹². Он должен был сравнить силы и принять решение самостоятельно.

После битвы при Конджу у него осталось шестьдесят два человека, и хоть Дэкван усиленно тренировал новобранцев из числа выделенных ему воинов Хигюна и самых сильных горожан, проявивших себя в сражении, драконье войско заметно ослабло. Воспитать за короткое время воина дракона даже из опытного человека было непросто, а в условиях, когда японцы дышали в спину и прорывали оборону с юга страны, практически невозможно.

– Невозможное – это не значит невыполнимое, – замечал Дэкван, повторяя слова капитана, и шёл мучить своих новичков выматывающими упражнениями.

Нагиль следил за их тренировками на полигоне, слушал разговоры в воинском стане – в основном жалобы на чрезмерное упорство *тырсэгарра* – и даже не пытался осадить стонущих от усталости людей, которые вечерами валились с ног и засыпали прямо на посту. Пусть лучше они будут страдать здесь, под присмотром Дэквана, чем бессмысленно погибать на поле боя.

Из донесений Дочерей они знали, что японцы смещаются в сторону берега и ждут, должно быть, новых кораблей с подмогой. Откуда у Тоётоми было столько сторонников, Нагиль мог только догадываться, и ни одно предположение ему не нравилось.

– У Тоётоми Хидэёси не было такой поддержки, – говорил Чунсок, докладывая об очередных передвижениях японских сил. – Его семья владеет одной провинцией, и большинство самураев под началом Хидэёси погибли в прошлой войне. У его сына меньше власти и должно быть меньше людей. Но они всё прибывают. Что он пообещал им?

– Чосон, – отвечал Нагиль, осматривая карту с отмеченными на ней точками. Сосновые шишки – свободные города страны. Чёрные остывшие угольки – занятые Тоётоми территории. На юге полуострова теперь всё было чёрным.

Тоннэ захвачен. Кванджу захвачен. Ульджин оккупирован, но хотя бы оттуда драконьему войску удалось увести мирное население. Сейчас в Конджу было больше беженцев, чем в любом другом подконтрольном Чосону городе, и по-хорошему следовало отправить их на север, в Хансон.

¹² Для корейских драконов (как и для китайских) главное число – девятка. По легендам, у них на спине 81 чешуйка. Именно столько воинов в драконьем войске, они делятся на отряды по 9 человек.

Только вот положение столицы больше не казалось Нагилю выгодным. Как бы он ни противился, трудно было не согласиться с Хигюном: если в ближайший месяц ничего не изменится, Хансон придётся лишиться звания столицы до той поры, пока японцев не удастся смести с полуострова.

Проклятье.

– Нам с тобой придётся наведаться в Хэнджу, – сказал Нагиль поздним вечером, когда совещание с Лапой Дракона было окончено и Чунсок собирал со стола в его шатре карты. Тот замер, медленно поднял голову.

– Явиться с повинной к Совету? – спросил он и весь скривился от одной только мысли об этом. – Мы же должны идти за его высочеством.

– Должны, – согласился Нагиль. – Только с чем? У нас недостаточно сил, чтобы штурмовать Ульджин, где его сейчас держат, а если будем медлить, принца увезут в Японию.

– Но Дракон...

– Не поддаётся моему контролю, и использовать его слишком рискованно, – признался Нагиль. Чунсок нахмурился. Он и прежде смотрел на своего капитана с недоверием; с тех пор, как закрылся Глаз Бездны, Нагиль чувствовал только боль вперемешку со злостью оттого, что не может вернуть её и...

О таком нельзя думать. О ней нельзя вспоминать.

Нагиль сердито выдохнул, опустился на стул перед столом, склонил голову. С тех пор как в теле *ёнгданте* поселилось две стихии, Дракон молчал и бездействовал. Нагиля кидало в жар по ночам, днём его мучил озноб, и медитации не спасали: его разрывало на части, Дракон Деревя в нём стонал и бился в агонии, Дракон Металла скручивал в узел нервы, и всё, что он слышал, было сплошным рёвом, а не голосом Великого Зверя.

Они успокаивались только в воде, когда Нагиль приходил по ночам к источнику при монастыре и опускал туда горячие ноги или ложился в него целиком и, окутанный прохладой, смотрел в небо, на далёкие звезды.

– Здесь это Лазурный Дракон, – говорила госпожа Сон Йонг, ведя пальцами по карте звёздного неба, – но в моём мире это несколько созвездий. Девы, Весов, Скорпиона и Стрельца. У нас есть специальные устройства, которые позволяют рассматривать звёзды ближе, с их помощью мы можем измерить... Нагиль, ты слушаешь?

– Капитан? – позвал Чунсок, и Нагиль вынырнул из воспоминаний с невольным стоном. Бороться с ними не было сил, равно как и оттягивать неминуемое.

– Говорят, король умер, – сказал Нагиль. *Пуримгарра* охнул и чуть не сел мимо стула. – Совет медлит, и я хочу знать, что они задумали. Хигюн велел отправиться в Хэнджу на поклон к его высочеству.

– Но на самом деле мы едем узнать, что решит Совет, – договорил Чунсок. После заметной паузы он вздохнул. – Капитан, вы уверены, что они примут нас с благосклонностью? Если Лю Соннён и остальные узнают, что принц жив и в плену, они...

– Думаю, – оборвал его Нагиль, – они всё ещё хотят достучаться до династии Мин. Нам потребуется помощь Империи, и, видится мне, Совет предложит им посадить на трон Чосона своего наместника. Живой законный наследник им не нужен, и его не станут спасать.

– Зачем тогда мы едем в Хэнджу?

Нагиль выпрямился, медленно выдохнул. Жар снова сменял в теле холод, и его ждала очередная бессонная ночь.

– Мы едем заручиться поддержкой Империи, – сказал он, предчувствуя новые проблемы для своего войска. – На своих условиях и без помощи Совета. Нам нужны люди, нам нужно оружие. Я хочу договориться с Императором, а после с помощью его людей спасти Ли Хона.

Чунсок смотрел на Нагиля не мигая. Мысленно проверял рискованный план капитана или же гадал, не сошёл ли тот с ума от тоски и безысходности, сковывающей весь лагерь вместе с подступающими к городу японцами.

– Нас казнят, – просто ответил *пуримгарра*. – Не Империя, так Совет. Не Совет, так Хигюн. Вы хотите обмануть всех, хотя лгать не можете.

Нагиль хмыкнул.

– Вот поэтому я беру с собой тебя. И малый отряд Чешуи, для вида. Если что-то пойдёт не так, я призову Дракона и спалю Совет вместе с императорским двором династии Мин.

– Звучит самоубийственно, – заключил Чунсок. Тяжело вздохнул и поднялся с места, склоняя голову. – Когда выдвигаемся, капитан?

* * *

Всем, кроме Лапы Дракона, было сказано, что Нагиль с верным помощником и малым отрядом едут искать поддержки у Восточной Фракции Лю Соннёна.

В прошлую войну именно помощь советника помогла Чосону: Лю Соннён договорился с Империей и привёл в Чосон войско Императора. Объединившись, две страны прогнали японцев с полуострова, заставив подписать мирный договор. Деньгами и скотом, доставленным из Японии в качестве платы за содеянные преступления, обезумевший от горя король откупился от династии Мин, а его народ еле выжил на выжженной войной земле. Последовавший за этим двухлетний голод совсем подкосил бы людей Чосона, если бы не помощь Великих Зверей. Дракон Деревя показав Нагилю, где можно вырастить зерно, помог повернуть русла обмельчавших рек так, чтобы те напятили пастбища для скота. Если бы не новая война, сейчас бы Чосон восстанавливал былую силу, но случился Рэвон, случился Тоётоми и новый виток борьбы за земли, на которые японцы не имели права претендовать.

Казалось, война пятилетней давности не заканчивалась, а святые духи, окончательно разуверившись в людях, предоставили их самим себе. Теперь помочь могло только чудо.

План Нагиля как раз походил на одно из них, а не на разумное решение, принятое после бесконечно долгих размышлений. Чунсок молчал всю дорогу до Хансона, где они должны были поговорить с советником Восточной Фракции и, возможно, снискать поддержки перепуганных жителей.

Власть Совета была сильна, но и он не мог идти против народа, которому обязан был служить.

– Что, если Совет даже не станет нас слушать? – спросил Чунсок вечером, когда отряд сделал привал на подступах к Хансону. Жаркое летнее солнце окрасило всё небо в кроваво-красный, не предвещающий добрых вестей цвет, и Нагиль осматривал открытое поле, высушенное летним зноем, с подступающей к сердцу грустью. Смотреть на то, как медленно умирала земля, было больно, но Нагиль знал, что у его страны есть надежда. Она была сильнее, чем всё остальное.

Пока надежда жила в сердцах людей, у Чосона были все шансы выжить, восстановить разрушенные деревни, отстроить обратно все города. И жить, и снова радоваться, и продолжать род, и снова молить Великих Зверей о счастье, хорошем урожае и здоровых сыновьях и дочерях.

Жаль, что одной надежды не хватит на то, чтобы убедить Совет действовать. На то, чтобы обмануть всех власть имущих разом.

– Совет не станет нас слушать, – согласился Нагиль, отрывая взгляд от уходящего за горизонт краешка солнца. Он вернулся к костру и сел в круг, где девять воинов и Чунсок уже готовили скудную похлёбку из остатков риса и сушёных водорослей.

– Что тогда?

Нагиль принял миску из рук Боыма, кивнул ему и отозвал Чунсока за собой к поваленному грозой старому дереву.

– Мы поклонимся им и уйдём.

Чунсок нахмурился.

– Они заподозрят неладное.

– Брось, – недобро усмехнулся Нагиль, – они и так считают нас врагами, изменниками, что бы там ни плёл мне Хигюн о снисхождении. Нам надо увидеться с Лю Соннёном, он единственный человек в Совете, кто хотя бы малой частью своей души печётся о благополучии людей в этой стране.

– Что мы ему предложим? – спросил Чунсок. Нагиль взглянул на него искоса. И *пуримгарра* скривил губы. – Капитан, Лю Соннён разговаривает на языке денег и выгоды, даже если заботится о Чосоне.

– Ты прав. Нам придётся рассказать ему о нашем плане.

– Он же выдаст нас!

– Нет, если это будет ему выгодно. А это *будет* ему выгодно, – добавил Нагиль, понижая голос. – Может, он тоже желает посадить на трон Чосона наместника Империи, но это значит, что власть, которой он сейчас обладает, перейдёт в руки династии. Может быть, он хочет договориться о суверенитете для себя и своей провинции, но как долго будет работать их соглашение, если на престол сядет не заинтересованный в нём наместник?

– И вы предложите ему...

Нагиль знал, что его слова поразят Чунсока, а потому мотнул головой, жестом велел молчать.

– У Лю Соннёна есть дочь. А спасённый нами наследный принц ещё не женат.

– Капитан!

– *Щиллэ*¹³, – сердито шикнул Нагиль. – Отказаться от такого предложения советнику будет очень непросто. Это гарантирует нам его поддержку, и он прогнёт под себя весь Совет.

– Но его высочество не согласится...

– *Ой ли?*

Нагиль усмехнулся – снова какой-то чужой, злой усмешкой, не свойственной ему прежде. Чунсок стушевался и больше задавать вопросов не стал.

С его капитаном творилось что-то странное, и не *пуримгарра* было вытаскивать Нагиля из тоски, превращающей того из благородного воина в настоящего зверя. Капитан с каждым днём становился всё больше похож не на Дракона, которого носил в теле, а на змея.

– Капитан, – осторожно позвал Чунсок, следуя за своими тяжёлыми мыслями. – Если вы задумали что-то ещё, лучше скажите мне. Я не смогу помочь, когда Совет прижмёт вас к стене и заставит подчиняться приказам ничего не смыслящих в войне чиновников.

Нагиль выпил остатки похлёбки, стукнул пустой миской по колену. Вытащил из-за ворота чогори скрученный лист, скреплённый королевской печатью, и протянул его Чунсоку.

– Даже если нас встретит не только Лю Соннён, ты передашь это в руки советнику.

– Капитан?

– И скажешь ему, что принц готов жениться на его дочери. Всё, *хаша*¹⁴.

Разговор был окончен, и обескураженный *пуримгарра* без слов поднялся и ушёл к костру подбодрить отряд.

Заранее женить ещё не спасённого принца было одной бедой, меньшей из тех, что поджидали Нагиля и его воинов в землях династии Мин. Он не советовался с Лан, когда уходил, но знал, что шаманка предсказала им трудный путь. Возможно, он поступал глупо, отказываясь от

¹³ Молчать, тихо (*драконий язык*).

¹⁴ Иди (*драконий язык*).

помощи мудан, но сейчас она не могла ему помочь. Довольно было прислушиваться к духам, которые говорили с ним нехотя и сулили одну только смерть. Нужно было брать дело в свои руки и останавливать эту бессмысленную войну своими силами. Всеми, что у него остались.

Всеми, какими он мог поделиться с Чосоном.

Ночь он провёл в метаниях и почти не смыкая глаз, только под утро сумев выкроить себе несколько часов беспокойного сна. Госпожа Сон Йонг тянула к нему руки и просила помочь.

Нагиль проснулся с её именем на губах, перекатился на сухой земле на бок и чуть не зарычал в плечо.

Грусть, что одолевала его днём при виде пустых полей, обескровленных войной, колола сердце и была терпимой, покуда он помнил о людях и их чаяниях. Тоска, которая за короткое время выросла в нём до размеров луны, заполняла собой всё пространство его мыслей. Она была невыносимой; скорбное, тянущее нутро напоминание о том, что помочь женщине из своих снов он не может и, что важнее, не имеет права.

Даже если она звала его из чужого мира и просила вернуть. Даже если *хотела* вернуться.

В *ёнглинг* не было слов, обозначающих эмоции. Этот язык был создан для приказов и называл действия, а не душевные порывы воинов дракона. Но даже среди скудного запаса понятий, появившихся во время войны, нашлось одно, значащее всеобъемлющее чувство печали, безысходность таких масштабов, что охватывала разом тысячи людей, когда те сталкивались с неминуемым. *Саудадэ*. Слово, которое принесли португалыцы ещё при Чанхон-тэване и оставили ему в наследство, когда у того умерли брат и жена.

Саудадэ, тоска по несбыточному и безвозвратно ушедшему. Португалыцы говорили, что слово значит ещё и безграничную любовь и благодарность прожитым годам, но Нагиль знал, что от любви в этом понятии ничего не осталось. Оно было болью и страстным желанием вернуть утраченное, оно было печалью, затмевающей даже хорошие дни.

Союз бесконечной тоски по тому, что нельзя вернуть, и гнева от осознания собственной беспомощности, бессильная ярость проигравшего в борьбе с судьбой.

Всё это и много больше преследовало Нагиля с момента, как Бездна закрыла Глаз и оставила его, раненого, на нагорье в полной темноте.

Нагиль хотел бы забыть его, это чувство, этот миг, хотел бы более не ощущать пустоты на месте собственного сердца. Жажду, которую он испытывал, не могли утолить ни еда, ни вода, ни мимолётное ощущение радости в ответ на хорошие вести от его воинов.

Госпожа говорила, что пустота – это то, что заполняет чёрные дыры. Нагиль превращался в одну из них и не имел ни малейшего желания противиться этому процессу.

Он встал с первыми лучами солнца, когда те коснулись его чогори, медленно остывающего после ночного жара. Может быть, подумал Нагиль, в новом мире, который он принесёт Чосону, который *обязан* принести Чосону, ему не найдётся места. Чёрная дыра, поглощающая всё живое, до чего могла дотянуться, не должна была существовать на территории его страны.

Что ж, так тому и быть. Он спасёт Ли Хона, освободит Чосон, а дальше... В *талыцим* новый мир, который будет отстраивать Совет, вгрызаясь в глотки простых людей. Борьба человека с человеком будет вечной, и её не выиграет ни один Дракон.

4

В Хансоне царило спокойствие, будто город жил под куполом и ни о чём не подозревал. Нагиль и Чунсок в сопровождении девяти воинов дракона въехали через главные ворота, и Нагиль с неодобрением осмотрел крепостные стены. Никаких надстроек для котлов со смолой, никаких дополнительных сооружений у надвратных башен. Битва при Конджу наглядно показала, какими хрупкими могут быть даже толстые каменные стены, в которые летят огромные валуны из осадных орудий японцев. Хансону следовало бы готовиться к возможному наступлению.

Если Совет скрывал смерть короля, дабы избежать волнений в столице, их решение Нагиль мог понять. Но относиться халатно к защите города, лишь бы люди не заподозрили неладное, было смертельной глупостью. Она обернётся катастрофой для всех жителей Хансона и для самого Хансона, но думал ли об этом Совет?

Очевидно, нет.

Начальник городской стражи встретил их хмуро и без должных приветствий. Чунсок вскинулся и хотел отругать его, но Нагиль жестом велел *пуримгарра* молчать. Войско опального капитана и без лишних споров было нежеланными гостями столицы даже в такое беспокойное время.

– Мы не задержимся, – сказал Нагиль в ответ на немой вопрос, застывший в глазах подозрительного начальника стражи. Тот кивнул и пропустил их дальше, отправив по главной улице до дворца в сопровождении своих людей.

Нагиль оглянулся, чтобы убедиться, что узнал его. Мунсу. Он происходил из древнего рода сувонских Кимов, его семья всегда славилась сильными сыновьями и покладистыми дочерьми, но в высшие круги знати их не пускали из-за разногласий с советником Западной Фракции. Стать кем-то значимее начальника городской стражи Мунсу не светило до тех пор, пока у руля стояли противники его семьи, Кимы из рода Андон.

Женщина из рода сувонских Кимов должна была стать женой будущего короля несколько поколений назад. По слухам, андонские Кимы убили её, и королевой стала их дочь. Кимы из Сувона ничего не смогли доказать, а позже их выдворили из дворца и присоединили к городской страже. Негласная борьба двух кланов длилась веками, обрастая домыслами, охотно распространяемыми противниками обеих семей.

Ким Мунсу был неплохим человеком. В годы своей службы в столице Нагиль отмечал его беспрекословную веру в долг перед королевской семьёй. Он был предан стране в лице короля и, хоть исправно следовал приказам Совета, выполнял их на своих условиях, чем изрядно выводил из себя советника Кима. Может быть, действовал Мунсу в интересах своей семьи, но всё же не шёл на поводу у Совета. Это уже что-то.

– Ким Мунсу, – сказал Нагиль Чунсоку, когда они проезжали рынок у дворцовых стен, который заполняли сонные торговцы. В ранний час в столице уже кипела мирная жизнь, шумели крестьяне, травники из ближайших селений жаловались друг другу на подскочившие налоги и стражу, что обирала их каждый вечер всё агрессивнее.

– Простите? – отозвался Чунсок, засмотревшись на блестящие в свете просыпающегося солнца украшения у одной из лавок. Там были кольца из нефрита, пинё¹⁵ из дорогого металла, увенчанные драгоценными камнями, глянцевыми лепестками гибискуса, золотыми фениксами и драконами.

– Запомни это имя, Ким Мунсу, – повторил Нагиль. – Возможно, мы сможем привлечь его на нашу сторону.

¹⁵ Заколка для волос, шпилька с массивным округлым стержнем и небольшой головкой.

Чунсок присоединился к войску Нагиля уже после того, как тот со скандалом покинул королевскую службу, и потому не знал ключевых фигур в столице по именам. Зато их знал Боым, рядовой в дворцовой страже, ушедший с поста вслед за капитаном. Он поравнялся с Нагилем и негромко спросил:

– Мы готовимся к новой войне, *ёнгданте*?

– Всегда будь готов, Боым, – согласился Нагиль. Тот хмыкнул и дал знак остальным воинам, чтобы те смотрели в оба.

Ко дворцу они приехали под традиционный сигнал стражи. Врата Кванхва охранялись, как и прежде, четвёркой караульных, которые проверяли именные таблички и пропускали только тех, кому было назначено. Нагиль с отрядом прибыл в столицу без официального объявления, но стражники, переговорив между собой, пропустили капитана драконьего войска, попросив оставить лошадей.

Начальник внутренней стражи повёл их к Сенджонджону¹⁶, и Чунсок, ранее не бывавший на территории дворца, оглядывался с любопытством юнца, которого, как Нагиль думал, *пуримгарра* убил в себе после смерти брата. Пока под присмотром нескольких стражников отряд вели лабиринтом внутренних двориков с низкими стенами крупной кладки и узкими дверями, Чунсок крутил головой. Нагилю следовало бы осадить *пуримгарра*, но он не стал. Неизвестно, когда они смогут попасть сюда снова. Неизвестно, пустят ли их после того, что они провернут с Советом.

Некоторые в отряде тоже осматривались и толкали друг друга в плечо, только Боым держался прямо и смотрел вперёд.

Когда они подошли к павильону, начальник дворцовой стражи велел им ждать.

– Здесь заседает Совет? – спросил Чунсок тихо. Нагиль мотнул головой.

– Обычно нет. Но, полагаю, в Кёнхверу нас не пригласят.

– Это...

– Павильон на воде, он остался позади нас. Когда король во дворце, он занимает Сенджонджон, а гостей приглашает в Кёнхверу. Но короля здесь нет.

– По всему так не скажешь.

Нагиль хмыкнул. Служба во дворце шла своим чередом, людей здесь было даже больше, чем он помнил: снующие по своим делам горничные, евнухи и учёные мужи ходили из библиотеки в сторону кухни и обратно и делали вид, что во дворце ничего не изменилось. Что король занимает трон, а не покинул столицу. Что король жив и продолжает править страной прямо из Кёнбоккуна.

Плохо, что с ними не отправился человек Хигюна, вдруг подумал Нагиль. Присутствие генерала ограничивало бы Нагиля в действиях, но без такой поддержки его могли вовсе не допустить к Совету.

Хигюн сказал, что Лю Соннён остался в столице, только вот и советник Ким был здесь же. И непонятно, столкновение с кем из них ожидало Нагиля в Сенджонджоне.

Тем не менее мольбы Великим Зверям дали свои плоды: к Нагилю спустился начальник дворцовой стражи и пригласил внутрь.

– Вас ждут. – Нагиль оглянулся на своё сопровождение и сделал шаг к павильону. Начальник вскинул руку и остановил его: – Только вас.

– Хорошо, – согласился Нагиль и кивнул на Чунсока. – Он пойдёт со мной. – Остальные воины помрачнели. – Вы стойте здесь и ждите. Это не займёт много времени.

Они сдали мечи и вдвоём зашли в павильон. Здесь было темно, солнечный свет ещё не успел достигнуть открытых окон и разбавить сумрак, в котором утопал длинный зал, вытя-

¹⁶ Название павильона во дворце Кёнбоккун, где располагался рабочий кабинет короля. Каждая часть дворцов имеет своё название.

нутый вдоль колонн с резьбой, повторяющей драконью чешую. От неё всё пространство зала сужалось и вело взгляд прямо к помосту с пустующим королевским тронem. Перед ним стоял длинный же стол из массива дерева с рядом высоких стульев. Только три из них были заняты.

Лю Соннён по правую сторону. Советник Ким Кихо – по левую. Рядом с ним сидел шури советника, его преданный человек, мимо которого не проходила ни одна сплетня. Плохо. Это был дурной расклад, но отступать было некуда.

На советнике Киме и его шурине были красные одежды чиновников, а головы украшали чёрные чонджвагваны. И только Лю Соннён, согласно нынешнему положению, сменил кванбок на военный мундир.

Чунсок поклонился первым, Нагиль, помедлив, чуть опустил голову в знак приветствия. Согни спину ниже, капитан драконьего войска, ты преследуешь свои цели, и ради их достижения нужно кланяться тем, чьими руками можно было решить множество проблем.

– Господин Мун! – подозвал его советник Ким. Лю Соннён молчал, но как только Нагиль подошёл ближе и косой луч мазнул его по лицу, тот чуть улыбнулся.

– *Ораёнъ, ёнгданте* Мун.

Шури советника Кима не смог скрыть неприятного удивления. Лю Соннён не обратил на него внимания, продолжая смотреть в лицо Нагилю.

– Нас уведили, что вы хотели одарить своим присутствием Совет, – заговорил советник Ким. – Спустя столько лет решили явиться ко дворцу. Не вы ли клялись, что больше не ступите на его территорию?

– Времена изменились, советник Ким, – ответил Нагиль. В зале было душно, кокон из спёртого воздуха с трудом впускал в себя свежее дыхание утра, но в нём Нагиль угадывал нотки благовоний, которых не должно было быть в Сенджонджоне. Жареный рис и абрикосовые косточки, сожжённые до углей.

Совет готовился к его возвращению. Знали ли во дворце, что ароматные палочки, собранные приглашённой шаманкой, должны были ослабить Дракона Дерева, но питали Дракона Металла? Советники надеялись, что жареный рис *подавит* в Нагиле стихию воздуха, что абрикосовые косточки *ослабят* стихию воздуха.

Нагиль выпрямился и глубоко вздохнул. Кажется, Совету не донесли, что в нелюбимом при дворце капитане жили теперь два Дракона. И новой ипостаси Великого Зверя не нравились эти махинации со злаками его стихии.

– Тебя боятся, Мун Нагиль, – предупреждал Хигюн. – Ничем хорошим для тебя это не обернётся. Если будешь недооценивать Совет.

– Я никогда не опускался до снисхождения к врагам, – возражал Нагиль. Хигюн смеялся сквозь усталый хрип.

– Совет во времена настоящей войны тебе не враг.

Сейчас Нагиль понимал, что Хигюн заблуждался. Либо же хотел верить в благородство Совета, хотя сам подталкивал капитана к борьбе с чиновниками.

– Я слышал, генерал Хигюн потерял половину своего войска из-за Дракона, – сказал советник Ким. Нагиль мог бы разозлиться на его тон: советник говорил равнодушным голосом, хотя должен был рвать и метать и желать казни капитана, по чьей вине погибло столько людей. Но нужно было держать лицо, и Нагиль промолчал.

– Да, это правда. Мы отвоевали Конджу, но потери были велики.

– Чрезмерно велики! – с превосходством согласился советник Ким.

– Их было бы больше, позволь Дракон войти японскому флоту в залив, – сказал Нагиль.

– Уж не берётесь ли вы судить о своих достижениях, когда находитесь на волоске от смертной казни?

Чунсок сдавленно охнул, Нагиль дёрнул рукой, запрещая ему двигаться. Они пришли сюда не затем, чтобы спорить с Советом.

– Я слышал о трагедии, – сказал Нагиль, и от его взгляда не ускользнули ни поджатые губы шурина советника, распяляющегося быстрее других, ни каменное лицо самого советника Кима. Лю Соннён прочистил горло и позволил себе тяжёлый вздох.

– Вы хотели отдать долг покойному королю? – спросил он.

– И это тоже, – нехотя кивнул Нагиль. Лицо советника Кима приобрело зеленоватый оттенок от сдерживаемого яда, который он хотел выплеснуть на капитана сейчас же. Но теперь говорил Лю Соннён, и по негласному правилу советник молчал.

– А что ещё?

– Предложить вам сделку.

Теперь даже Лю Соннён удивлённо выпрямился и посмотрел на советника Кима. Они оба переглянулись, словно заговорщики, шурина советника заёрзал на своём месте.

– Что за сделка? – спросил советник Ким. Нагиля напрягало то, что он говорит больше Лю Соннёна, – это могло означать, что силы в Совете изменились и вес фигуры советника Кима стал куда больше, чем Нагиль мог надеяться.

– Нам нужна помощь, – заговорил Нагиль, привычно сжимая руку. Меча при нём не было, и его отсутствие тяготило сейчас почти так же, как напряжение, сковывающее и руки и ноги и мешающее дышать в душном зале, пахнущем благовониями. – Нам нужны люди. Японцы подтягивают к берегам свои корабли, скоро их численность превысит нашу, и они задавят нас количеством, как скот. Если, – он сделал паузу, перевёл взгляд с Лю Соннёна на советника Кима и обратно, – если мы не найдём поддержки у династии Мин.

– О, – с наигранным облегчением выдохнул советник Ким, – не беспокойтесь об этом, капитан. Мы уже договорились с Империей, они пришлют нам оружие и конницу.

– Нам нужны люди, – повторил Нагиль, повышая голос. – Даже моего войска будет недостаточно, чтобы сдержать следующую атаку Тоётоми.

– *Даже?* – вспыхнул советник Ким. – Не много ли вы на себя берёте, капитан? В вашем войске осталось меньше сотни воинов, для японцев вы не представляете большой угрозы.

Совету хорошо доносили сведения прямо от Конджу.

Чунсок заскрипел зубами, шагнул ближе к *ёнданте*. Нагиль дёрнул головой. Стой на месте. Стой и слушай. Стой и смотри.

– Вы правы, советник Ким, – ответил он. По его изменившемуся тону можно было понять, что от неверного действия капитана отделяет всего пара мгновений, но никто, кроме Чунсока, этого не осознавал. Совет ни во что не ставил драконье войско. Совет ни во что не ставил Дракона.

Пусть так. Недооценивать врага – первая ошибка в войне.

– Раз я прав, то вы согласитесь со мной ещё раз, – не скрываясь, заулыбался советник Ким, – что от вас и ваших советов нам нет никакой пользы. Но в ваших руках изменить расстановку сил, полагаю?

– Попросите у Империи войско. Мы можем объединить силы, чтобы одолеть японцев, и те не будут угрожать ни Чосону, ни Империи Мин.

Лю Соннён качнул головой и посмотрел на Нагиля со снисхождением, какое обычно старики дарили юному поколению, мало смыслящему в политике. Только капитан драконьего войска, самой грозной силы в стране, не был юнцом.

– Война – это в первую очередь деньги, *ёнданте* Мун. Людям нужно обмундирование, оружие, еда. Империи невыгодно кормить нас серебром, пока война не затрагивает их земли.

– И тем не менее они пришлют оружие и лошадей, – возразил Нагиль. – Говоря вашим языком, чем вы расплатились с ними за оказанную услугу?

Советник Ким хотел ответить, но Лю Соннён опередил его и кивнул.

– Думаю, вы и без наших подсказок это уже знаете.

Страной. Это решение далось Совету не так легко, как Нагиль думал, по лицу Лю Соннёна было видно, насколько он сам не рад подобному положению.

Нагиль не ошибся в советнике Восточной Фракции. Ещё во времена своей службы на короля он отмечал, что Лю Соннён был рассудителен и спокоен, умел видеть сильные стороны людей при дворе, умел направлять их. Хигюн тоже за него поручился, а в текущей ситуации Нагиль не мог не верить генералу.

– Я предлагаю спасти наследного принца, – сказал он.

Советники переглянулись.

– О чём вы?

Теперь Нагиль кивнул Чунсоку и позволил тому поравняться с собой. *Пуримгарра* уже был достаточно зол, чтобы не бояться говорить прямо, и потому его предложение зазвучало в стенах длинного зала твёрдым намерением:

– Наследный принц Чосона готов жениться на дочери советника Лю Соннёна при условии, что Совет поможет капитану Мун Нагилю спасти его из японского плена.

Шокированный Лю Соннён принял бумагу из рук Чунсока, вскрыл печать под пристальными взглядами советника Кима и его шурина и развернул лист. Он читал послание от крон-принца молча и только спустя несколько долгих мгновений ахнул в голос.

– Что там такое? – советник Ким привстал со своего места, пытаясь заглянуть в пергамент. – Что? Говорите!

Лю Соннён прочистил горло и заговорил, явно не веря написанному:

– Я, Кванхэ-гун, пятнадцатый ван Чосона, при рождении наречённый именем Ли Хон, избираю себе в жёны Лю Сои, дочь советника Восточной Фракции Лю Соннёна из рода Лю, и провозглашаю её будущей королевой Чосона. Выполнение этого указа я буду считать согласием Совета и приму содействие советника Лю, советника Кима, советника Сана и советника Чхве, как присягу на верность себе и будущему Чосона.

– Немыслимо! – не выдержав, воскликнул шурин советника Кима. Сам советник был бледнее луны. – Наследный принц должен быть мёртв!

Нагиль опустил голову, скрывая недобрую усмешку. Кима из Андона следовало зашивать рты, чтобы никто не болтал лишнего, когда рядом столько чужих ушей.

– Наследный принц жив, – заговорил Нагиль. – И он...

– И он уже провозгласил себя королём, когда тело его отца ещё не остыло! – гневался шурин советника. – И даже выбрал себе имя! Поправ все традиции!

– Традиции, которые соблюдаются *его* семьей, – напомнил Нагиль.

– А вы помолчите, капитан! – огрызнулся советник Ким. – Вы не только убили половину наших людей, но ещё и пришли к нам с поддельной бумагой и хотите, чтобы мы вам поверили!

Нагиль улыбнулся; блеснул в струящемся с улицы свете один его глаз, полыхнул белым, и советник, охнув, опустился на стул.

– Наследный принц знал, что вы не согласитесь с его словами так легко, – ответил капитан. – Поэтому... – Он достал из рукава завернутый в шёлк предмет и медленно поставил его на стол. – Поэтому он отдал мне это, чтобы я убедил вас в серьёзности его слов.

На глазах обомлевших советников Нагиль развернул ткань и явил всем присутствующим в Сенджонджоне гладкий отполированный куб с металлическим навершием. Королевскую печать династии Чосон. Главный символ власти в стране.

* * *

Конджу, Чосон, начало лета 1592 года, год Водяного Дракона

Ли Хон велел Нагилю раздобыть приличную бумагу, а Чунсока послал за тушью. До назначенной встречи у реки, куда Рэвон обещал принести госпожу Сон Йонг, оставались считанные часы, и Нагиль настоятельно советовал принцу повременить с письмами, но тот был настойчив и уверял, что свиток ханджи¹⁷ решит их проблемы в будущем. По мнению Нагиля, у них могло не быть будущего, если они не смогут решить дела текущие, которые и так шли из рук вон плохо.

– Не волнуйся, Нагиль, – улыбался Ли Хон самой широкой из арсенала своих улыбок. – Я знаю, что делаю, уж поверь мне.

– Хотелось бы, – отзывался Нагиль и ждал, когда Ли Хон закончит выводить аккуратным каллиграфическим почерком несколько строк.

– Будем честны друг с другом, – говорил Ли Хон под треск масляной лампы, стоящей на столе перед ним, – у тебя будут такие большие проблемы, что вызволять меня руки не дотянутся.

Нагиль поморщился – главным образом оттого, что принц был прав.

– И тебе не помешает заручиться поддержкой Совета, – продолжил Ли Хон. Поднял голову, заметил окровавленный ужас в глазах капитана и усмехнулся: – Ну, это в крайнем случае.

– Ты же знаешь, что я терпеть не могу Совет.

– Ага, – легко согласился принц. – И я тоже, друг мой. В конце концов, покушение на убийство не сильно сближает людей, но что поделать. Суровые времена не оставляют нам пространства для манёвров.

Пока Нагиль думал, нахватался ли наследник престола подобных выражений от *пуримгарра* или госпожи, с которой они вели долгие ночные разговоры, пока жили в деревне призраков, Ли Хон закончил с первым посланием. И тут же принялся за второе.

– Что ты задумал? – не выдержал Нагиль. В политике он был не силен, интриги на дух не переносил, а всё, что касалось Совета, включало и то и другое в полной мере. Ли Хон подарил капитану ещё одну, не предвещающую ничего доброго, улыбку.

В такой момент ему следовало бояться, подумал Нагиль, чувствуя, как сковывает рёбра, а вместе с ними и сердце, подступающая боль. Бояться и делать вид, что ему не страшно. Бояться и гневаться. Бояться и...

– Готово! – воскликнул принц. Нагиль взял в руки обе бумаги и, пока читал, покрывался холодным потом.

– Ты хочешь жениться на дочери советника Лю?

Ли Хон окинул его странным взглядом, в котором читалось сомнение в отношении умственного развития капитана.

– Да, – протянул принц. – Я же так и написал. Вот, читай: «Я, Кванхэ-гун, ван Чосона, при рождении наречённый именем Ли Хон, избираю себе в жёны Лю Сои...»

– И ты выбрал себе имя, – обречённо выдохнул Нагиль. Принц был прав: он награждал своего капитана за хорошую службу и защиту новыми проблемами, огромными, точно Пэкту-

¹⁷ Традиционная корейская бумага из коры молодых побегов дерева так, получившего своё название из-за звука, с которым ветки ломаются в руках.

сан¹⁸. – Наглости тебе не занимать, но пожалей моих воинов. Тот несчастный, что передаст твой указ Совету, лишится головы.

– Точно, – легко согласился принц. – Им будешь ты.

– Что?

Ли Хон нахмурился, покусал верхнюю губу, словно кролик, и прищёлкнул языком.

– Я понимаю, что ты сейчас думаешь только о нашей змеиной госпоже, но, прошу тебя, сосредоточься и на мне немного.

Нагиль поперхнулся спёртым воздухом казармы и почти покраснел. Не от смущения – от злости на легкомысленного наследника престола, которого когда-то по глупости своей спас.

Легкомысленный наследник престола встал из-за стола и бодро зашагал из угла в угол.

– Моему отцу недолго осталось, как ни прискорбно об этом думать. Либо он умрёт своей смертью, либо ему поможет Совет, – пояснял он, старательно постукивая каблуками по деревянному полу казармы. – А потом все эти трясущиеся от чахотки старики побегут к династии Мин просить защиты от Тоётоми. Сейчас Империи невыгодно посылать к нам людей, но освободившийся трон даст им надежду, что они таки смогут усадить на него задницу кого-то из своих наместников. Король Чосона мёртв, принц Чосона мёртв. Прекрасная возможность договориться, как во времена династии Юань.

– Думаешь, Совет пойдёт на такое, предаст страну? – с сомнением спросил Нагиль. Принц остановился, посмотрел на него из-под полуопущенных век и снова щёлкнул языком.

– Я иногда забываю, что из тебя скверный политик, *ёнданте*.

Нагиль замечания не оценил, и Ли Хон покачал головой.

– Совет всё время пытался меня устранить, потому что живой наследник им не нужен. Я долго об этом думал и пришёл к выводу, что им вообще никто не нужен из династии Ли. Мы неудобные люди в нынешнее беспокойное время.

– Но, если ты объявишь о себе, им придётся с тобой считаться, – договорил за него Нагиль.

– Все именно так, – кивнул Ли Хон. – И с тобой придётся считаться. А чтобы у Совета не возникало лишних вопросов, почему это я до сих пор жив...

Он потянулся к свёртку, который всё это время держал на столе подле себя, и показал Нагилю содержимое. На ладони наследного принца умещалась тяжёлая печать из красного дерева с золотым тиснением на верхней грани. Свившийся дракон. Символ королевской власти, как на повязке Ли Хона, с которой тот не расставался.

– Это королевская печать династии Ли, – пояснил Ли Хон, хотя предмет не нуждался ни в каких лишних пояснениях. Нагиль смотрел на печать и молчал. – Ты покажешь её Совету, и они проглотят все свои гнусные словечки, которыми соберутся тебя обругать.

Нагиль молчал.

– Капитан? – позвал принц.

– Ты её украл? – спросил Нагиль.

Ли Хон сдавленно охнул:

– Ну конечно же! Стащил из кабинета отца при том пожаре во дворце, который ты учинил. Подумал, мне она пригодится, а король изготавит себе другую. Все думают, она сгорела вместе с моим телом, но ты докажешь Совету, что они ошибаются.

Напряжение внезапно покинуло тело Нагиля, он опустился на стул позади себя и окунул лицо в горячие ладони. Жар пульсировал у него в горле, и только талисманы Лан не давали Дракону вырваться из тела и спалить казарму.

– Совет казнит меня за измену, – просто сказал Нагиль. Он устал и хотел, чтобы бесконечная ночь быстрее закончилась, чтобы госпожа Сон Йонг оказалась в безопасности рядом с

¹⁸ Активный вулкан на территории Корейского полуострова.

ним. И чтобы принц перестал нести бред и не мешал ему строить планы по своему будущему спасению.

– А вот тут ты передашь им второй мой указ, – хитро произнёс наследный принц и опустил в раскрытые руки капитана другую бумагу.

* * *

Хансон, Чосон, середина лета 1592 года, год Водяного Дракона

Совет не успел прийти в себя, когда Нагиль вытянул из-за ворота чогори ещё один свиток и протянул его молчаливо взирающему на печать Лю Соннёну.

– Я, Кванхэ-гун, пятнадцатый ван Чосона, при рождении наречённый именем Ли Хон, – заговорил тот сиплым голосом, – присуждаю капитану третьего ранга Мун Нагилю четвёртый ранг и назначаю его генералом.

– Что? – выдохнул в неверии советник Ким.

– Что? – тихо переспросил Чунсок рядом с Нагилем.

– Этим указом даю полную свободу действий генералу Мун Нагилю, – продолжал Лю Соннён. – И буду считать любое сопротивление по вызволению меня из вражеского плена изменой Чосону и лично мне, пятнадцатому вану Чосона.

Шурин советника Кима не сдержал сдавленного возгласа, в котором угадывался и гнев, и страх.

– Это ложь! – заговорил советник Ким, повышая голос. – Это провокация! Вы заплатите за это, капитан Мун Нагиль!

Нагиль усмехнулся, теперь не пряча высокомерного тона за вежливостью.

– Простите, советник Ким, но вы забываете. Драконы не лгут.

5

Сразу после того, как советник Ким с шурином вдоволь наупражнялись в угрозах казней, которые теперь ждут генерала Мун Нагиля и всё его войско, их с Чунсоком выгнали из Сенджонджона и приказали никуда из Хансона не уезжать. Бойм вызвался поговорить с Мунсу: «Постарайся не вызывать подозрений своим напором», – остальной отряд занял казарму дворцовой стражи, куда их определили, как *гостей*. Значит, оставят под наблюдением. Значит, всё ещё не верят в указ наследного принца.

Не принца. Короля.

Хоть коронации ещё не было, хоть официальных новостей о смерти четырнадцатого вана Чосона не поступало, хоть Ли Хон пребывал в Ульджине, его указ с королевской печатью не мог не иметь силы при дворе.

Нагиль думал об этом всю дорогу до рынка, куда пришлось отпрашиваться вместе с Чунсоком под каким-то незначительным предлогом.

– Гаин говорила, у них не осталось целых чогори, – сказал Чунсок. Нагиль протянул ему увесистый мешок с монетами. – Кап... Генерал?

– Купи, сколько сможешь, – ответил Нагиль.

Он почти не тратил своих денег; все вещи брал из запасов войска, а поступающее от Совета серебро отправлял на нужды воинов, оставляя себе небольшую сумму. Они не взяли денег генерала Хигюна в Хансон – их и так не хватало на пропитание воинам. Нагиль гадал, достаточно ли будет монет, что он дал Чунсоку, чтобы расплатиться за подорожавшую одежду. Здесь, в столице, всё стоило дорого ещё до начала войны, а теперь, должно быть, цены взвились до самых небес.

Голова гудела, жаркое летнее солнце грело затылок и нагревало почти ледяную кожу, вызывая озноб. Нагиль шагал чуть позади Чунсока и старался не смотреть по сторонам, чтобы не являть столичному народу уставшее осунувшееся лицо.

На рынке было шумно. К этому часу его заполнили галдящие торговцы всех мастей, травники из близлежащих деревень, слуги знати, скупавшие для своих господ овощи, женышень, последние работы известных художников, отрезки дорогой ткани, украшения... У прилавка с танхэ, расшитыми цветами и птицами, Нагиль остановился, не сразу осознав, что привлекло его внимание. Он наблюдал за двумя молодыми девушками в нежных ханбоках, которые крутились у расставленной в ряд обуви и подбирали к своим нарядам подходящую.

– Говорят, сейчас в моде цветочные мотивы, – чересчур громко шептала одна второй. – Вот эти красивые, с лилиями.

Нагиль медленно опустил глаза к танхэ, на которые указывала знатная девушка. И правда, отстранённо подумал он, красивые. Сон Йонг носила похожие прямо перед тем, как...

Он зажмурился, разозлился на себя за беспечность.

– Ка... Генерал? – позвал Чунсок, вернувшийся за отставшим *ёнгданте*.

– Сколько стоят эти? – спросил Нагиль у торговца, который уже заискивающе склонялся перед неприметным новоявленным генералом.

– Двадцать монет, господин, – заулыбался торговец.

– Генерал? – теперь в голосе Чунсока было слышно неприкрытое удивление.

Двадцать монет – это много. На них можно купить три готовых чогори, или ткани на десять чогори, или пять мешков риса. Нагиль смотрел на танхэ, обитые ярко-красным шёлком, и уговаривал себя уйти от прилавка.

Моджори-ёнг. Глупый-глупый, смертный, больной тоской человек.

Чунсок со вздохом открыл мешок с монетами и уже начал отсчитывать в руку нетерпеливого старика нужную сумму, когда Нагиль остановил их обоих взмахом руки.

- Оставь Дочерям, – коротко бросил он *пуримгарра*. Тот стушевался.
- Генерал, вы можете позволить себе...
- Нет, всё в порядке.

Нагиль пошарил свободной рукой по чогори, нашёл на поясе завязанный в узел шёлковый шнурок с гладким нефритом размером с ноготь и снял его резким движением.

- Этого хватит?

Торговец обомлел, морщинистые руки задрожали сильнее.

- О, господин, это невиданная щедрость с вашей стороны...

– О какой щедрости ты толкуешь? – разозлился за генерала Чунсок. – Показывай всё, что можно обменять на такую драгоценность! Не каждый день к тебе приходит генерал драконьего войска!

Нагиль не рассчитывал брать что-то ещё – святые духи, он и танхэ покупать не хотел! – но проворный старик вывалил перед ним и Чунсоком украшения для волос, гладкие кольца и зеркальца. Чунсок провёл по ним рукой, приняв самый деловой вид.

– Упрямой госпоже понравились бы все эти безделушки, – заметил он и тут же осёкся, услышав, как заклокотал в груди Нагиля стон. – Простите, генерал. Может, к танхэ полагается взять ленты в волосы?

В итоге от прилавка они ушли с парой женской обуви, тремя лентами разных цветов и пинё. Чунсок свернул бесполезную добычу в узелок, протянул его Нагилю.

- Это было лишним, – ответил Нагиль, но узелок принял.

– Знаю, генерал, – легко согласился Чунсок. Теперь он шёл вровень с Нагилем, чтобы не проворонить, когда *ёнданте* вдруг решит, что ему нужно что-то ещё. – Но танхэ не стоят целого нефрита. А девушки любят украшения, любой такие понравятся, кому бы вы их ни подарили.

Никому. Говорить этого вслух Нагиль не стал, мысленно отругал себя последними словами и больше не отвлекался на блестящие в свете солнца заколки, колечки и пудреницы, отчего-то занимавшие многие прилавки на главном столичном рынке. В стране идёт война, крестьяне за стенами Хансона голодают, а знать всё ещё ведётся на ничего не значащие вещи. Вроде тех, что нёс в руках Нагиль.

Они нашли недорогую плотную ткань, из которой можно было сшить целые ханбоки для маленького отряда Дочерей, и Нагиль в который раз с огромным нежеланием подсчитал женщин в своём войске. Из тринадцати Дочерей после битвы при Конджу под командованием Гаин осталось всего девять.

– Давай купим ещё, – предложил Нагиль, считая оставшиеся монеты. Он замер, посмотрел на Чунсока и добавил, чуть тише: – И лент. Дочерям понравятся ленты?

Чунсок не смог сдержать смущённой улыбки, изменившей его лицо до неузнаваемости.

- Да, генерал. Понравятся.

Уже вернувшись в Хансон, Нагиль отдал Чунсоку две ленты из тех, что купил сам. Оставил зачем-то красную, в цвет танхэ, и постоянно спрашивал себя, не выжил ли он из ума окончательно.

– И пинё возьми, – сказал Нагиль. Уж заколка ему точно была ни к чему, а Чунсок, забери его духи, почему-то настаивал именно на золочёной шпильке с фигуркой Алого Феникса на конце. *Пуримгарра* заговорил что-то о благодарности, но Нагиль его не слушал.

Он успел спрятать покупки прямо перед тем, как его нашёл придворный евнух и пригласил в кабинет советника Лю. Теперь генерала Мун Нагиля ждала ещё одна словесная битва, важнее той, что он уже пережил утром.

Лю Соннён ждал его в Хамхвадане, куда раньше Нагиль заглядывал с отчётами для министров короля. Спустя пять лет кабинеты не сильно изменили свой облик, только внутри, как Нагилю показалось, стало теснее, хотя круглый стол убрали, заменив его двумя квадратными,

приставленными друг к другу. Это тоже было нехорошим знаком: прежде круглый стол символизировал равенство фракций при королевском дворе, а теперь, похоже, главенствующую роль занимала то одна, то другая сторона. И в данный момент преимущество было не на стороне Лю Соннёна и, следовательно, Нагиля и его планов.

– Советник. – Нагиль поклонился, отдал меч стражнику у входа и вошёл в зал, где, кроме Лю Соннёна, никого больше не было. Он сидел, как и в Сенджонджоне, по правую сторону от центрального широкого стула.

– Проходи, генерал.

Нагиль встал напротив Лю Соннёна, и хоть от внимания не ускользнуло обращение, с которым его приветствовал советник, ослаблять бдительность он и не думал. Первое правило Кёнбоккуна – не доверять никому. Второе правило Кёнбоккуна – не полагаться на слова кого бы то ни было, а ждать действий.

– Скажу честно, ты сильно удивил нас.

– Не могу скрывать: на это я и рассчитывал.

Советник улыбнулся и покивал.

– Я догадывался, что наш будущий король может перехитрить всех, но то, что он втянет в свои планы тебя, стало для меня новостью.

– Давно вы знаете, что он жив?

– С тех пор, как его убийство поручили тебе.

Нагиль нахмурился.

– Десять лет назад, когда ты поступил на службу к его величеству, я заметил в тебе невероятную силу духа, которую не сломали дворцовые интриги, – пояснил Лю Соннён. – Пока ты был командиром дворцовой стражи, ты показывал себя человеком слова и дела, преданным королю и его семье. Завуалированный приказ об убийстве наследника трона явно не пришёлся тебе по вкусу.

– Но вы его отдали, – бросил Нагиль. Давняя злость на Совет, предавший его доверие, теперь находила выход, и даже уважение, которое Нагиль испытывал к советнику Восточной Фракции, не могло ослабить её. – Я не знал, чего вы добиваетесь, но вас не оправдывала неопытность принца и нелюбовь к нему короля.

– Король не знал о приказе, это верно, – согласился Лю Соннён. – Тогда мы действовали в его интересах, но я не прошу тебя верить мне на слово.

– Я и не верю, – отрезал Нагиль. Вздыхнул, проверяя воздух в Хамхвадане. Здесь благовоний не зажигали, в открытые ставни спокойно проникал ветер и нёс с собой запахи пыльных улиц, дым из помещений для прислуги в соседнем комплексе вдовствующей королевы. Лю Соннён его не боялся – или хотел показать, что не боится?..

– Не могу винить вас в этом, – снова согласился советник. – Но, полагаю, время сможет взрастить доверие между нами, раз вы с его величеством посвящаете меня в свои планы.

Нагиль снова отметил, что советник правила игры принял быстро и почти не сопротивляясь. Немудрено: в его интересах теперь было принимать новые статусы и наследника Чосона, и его генерала.

– Я не спрашивал ранее, – склонил голову Нагиль. – Как ваша семья? Они живы?

Советник качнул головой, нахмурил седые брови.

– Моя жена скончалась недавно, – ответил он плоско. – Давняя болезнь стариков, ничего удивительного. Но дочь и младший сын живы и здоровы. Спасибо, генерал.

– Я вам сочувствую.

– И я вам.

Нагиль вскинул к советнику напряжённый взгляд, глаза заметались по спокойному лицу. Он знает? Как много он знает, откуда? Понимание Лю Соннёна вгрызлось Нагилю в грудь,

выпустив наружу боль, которую он скрывал от себя в свете дня и не хотел, не позволял кому бы то ни было задевать его раны.

– Я о вашем войске, – добавил советник. – Слышал, вы также потеряли многих в битве при Конджу.

Воздух вышел из пересохшего горла *ёнданте* со свистом, который он попытался скрыть. Он решил, что накажет себя за лицемерие позже.

– Спасибо, это ни к чему. Мои воины защищают людей и знают, какую цену платят за это.

– Тогда ответьте мне, генерал драконьего войска, – кивнул Лю Соннён, – знаете ли вы, какую цену заплатите за рискованный план его величества?

Нагиль полагал, что знает. Но слова советника Восточной Фракции, на которого надеялись и он, и Ли Хон, стали для него неожиданностью:

– Ох, генерал. Мы уже приняли помощь Империи, а с новыми условиями его величества нам придётся договариваться с династией Мин заново. И я не уверен, что они согласятся с нами.

Он поднялся с места, только чтобы протянуть Нагилю свиток, скреплённый печатью императорского двора династии Мин. Нагиль развернул его и вчитался в аккуратные столбцы цзы¹⁹: от имени Императора говорили его министры, постановляющие, что помощь в войне с Японией Чосону будет оказана на условиях Империи, оружие, продовольствие и конница будут предоставлены армии Чосона с оговорками, в которых не было ничего удивительного. Империя диктовала Чосону требования – когда было иначе? Когда Империя Мин не посягала на независимость Чосона, несмотря на конфуцианские отношения между странами?

– Всё то же самое, что и в прошлую войну, – сказал Нагиль, дочитав свиток. Советник покачал головой.

– Нет, генерал. Вы читаете, но не вчитываетесь. Всё самое важное всегда скрывается между строк.

Нагиль вернулся к письму.

«Для достижения мира на землях Чосона Империя Мин отправляет в Хэнджу статс-секретаря его величества Ван Шоужаня с сыном. Статс-секретарь Ван Шоужань поможет королевскому двору Чосона восстановить величие рода и приложит все силы, дабы...»

– Империя хочет посадить на трон Чосона своего наместника, – заключил Нагиль. От витиеватых строк, в которые приходилось вникать с удвоенным вниманием, у него разболелась голова.

– Он отправляется к нам *с сыном*, – пояснил Лю Соннён. – У статс-секретаря нет причин принимать на себя титул вана Чосона, генерал.

– Они хотят оставить нам его сына, – понял Нагиль. – Но это неправомерно, если...

– Если только сын секретаря Империи Мин не женится на дочери нашего короля, – закончил его мысль советник. – Понимаете, генерал? Мы согласились на династический брак, не имеющий под собой законодательной основы должного порядка. Ван Шоужань – преданный человек его императорского величества, и вся его семья будет учитывать интересы Империи, какое бы место ни занимали и где бы ни правили. *Понимаете?*

– Нам придётся разорвать помолвку сына секретаря и королевской дочери, – выдохнул Нагиль. Отвратительный результат. Ужасающий, катастрофический, если вовремя не принять меры.

– Я решил, вам стоит знать о последствиях, которые повлекли за собой решения его величества, пятнадцатого вана Чосона, – кивнул советник. Проклятье. – И, думаю, будет честным, если вы, как его генерал и единственный уполномоченный человек, который может говорить от лица его величества, сами сообщите Империи наши новые требования.

¹⁹ Китайское название иероглифов.

Проклятье. Нагиль спасёт Ли Хона, а потом убьёт его своими руками.

– Отправляйтесь в Хэнджу, генерал, – сказал Лю Соннён. Нагиль в этот момент весь полыхал от заполняющего его тела гнева и думал, что теперь, прямо сейчас, готов выпустить в мир Дракона Дерева и Дракона Металла, чтобы они спалили к вонгви этот проклятый дворец вместе со всеми его чиновниками, плетущими интриги, точно паучьи сети.

– Вам всё же нужно поклониться покойному королю, – добавил Лю Соннён. Подозревал ли он о том, что ходит по грани острого меча, способного разрубить все королевские планы? Нагиль понял по его спокойному лицу, что советник знал о скрытой силе генерала и не боялся её.

Теперь Великий Зверь был не так страшен Чосону, как гнев императорского двора династии Мин.

* * *

В Хэнджу Нагиль взял с собой только Чунсока и Боыма, остальным велел вернуться к войску и ждать приказов. Они скакали день в гнетущем молчании, пока *ёнгданте* проклинал всех известных духов и предков своего безымянного рода за путь, который те для него избрали.

– Мы едем договариваться с секретарём Императора? – вопрошал Чунсок во время коротких привалов.

– Едем сватать ему королевскую дочь, – ворчал Нагиль, и языки пламени от костра, который они развели, вспыхивали на каждое его сердитое слово. Чунсок переглядывался с Боымом и упрямился ещё сильнее.

– Хотели быть бравыми воинами в глазах двух королевских дворов, а едем к ним сватами, – ворчал он. Нагиль был с ним согласен, но одёргивал, ругал попусту и злился на *пурим-гарра* за длинный язык.

– Лучше подумай о том, как после всего нам вызволять его величество, – рычал он. – Японцы, по донесениям, хотят стянуть к Ульджину основную часть флота, а у нас ни людей, ни оружия, чтобы ломиться к ним за новым ваном Чосона.

– Вы сказали, Совет выделит нам людей.

– Да, но сперва придётся попотеть, доказывая худосочным чиновникам, что обменять трон вместе с принцессой на принцессу без трона им будет выгодно.

Боым смотрел на *ёнгданте* с нарастающими сомнениями, и Чунсок, кажется, разделял его мысли: их генералу нужен отдых и хороший сон, а ни тем, ни другим его судьба не одарила уже долгое время.

К Хэнджу они втроём явились через два дня. Здесь у городских стен было больше стражников, и те пропустили генерала неохотно, и даже после полученного приказа с письменным подтверждением от Совета долго совещались, стоит ли открывать врата уставшим всадникам, один из которых пылал от нетерпения.

Теперь на Нагиле днём покрывалась инеем чогори, от холода тела не спасали ни жаркие летние дни, ни горячие источники, в которые он окунался с головой, чтобы согреться, ни его знаменитая физическая выдержка. Он успел высушить одежду утром, чтобы ко двору явиться в приличном виде, но от заминки перед городскими вратами так разозлился, что рукава чогори на нём снова покрылись коркой льда.

Мер'тонъ.

– Вы можете проезжать, – ответил, наконец, начальник стражи. – Вас проводят ко дворцу.

Хэнджу был больше крепостью, чем городом, и не самым подходящим вариантом для титула столицы в мирное время. Но Нагиль пересёк укреплённые стены с толстыми надвратными башнями и подготовленными к возможному нападению оборонительными сооружениями.

ями и отметил, что сейчас Хэнджу мог бы принять под свою защиту жителей Хансона и его близлежащих селений.

Может быть, он посоветует это Лю Соннёну, раз уж теперь они были в *хороших* отношениях. Если у Совета нет планов по спасению мирных жителей Чосона, то у Лю Соннёна они должны были быть.

Дворец – всего несколько строений и неширокий двор с золотой статуей Жёлтого Единорога в центре – встретил их молчанием. На крыше Богандана, зимних покоев короля, шелестели на ветру белые флаги, у закрытых ворот Тэсу горели котлы с лиловым пламенем от брошенных в масло бутонов гибискуса. Всё здесь дышало недавней смертью, всё говорило о скорби по его величеству.

– Вас ожидают в зале Пэдучжон, – сказал начальник дворцовой стражи и повёл недоумевающего Нагиля, Чунсока и Боыма в сторону от покоев правителя.

– Нам следует поклониться королю, – заметил Нагиль. Стражник ничего не ответил.

У Пэдучжона их попросили оставить мечи.

Нагиль вошёл в зал первым, за ним, осматриваясь, напряжённый до самых кончиков волос Чунсок и Боым. Длинное пространство зала упиралось в возвышение с пустым тронном, но по правую и левую сторону от него на креслах королевы и советника короля сидели человек в одеждах китайских министров и принцесса Чосона, единственная дочь покойных короля и королевы. Нагиль помнил её юнее и пышнее: сейчас горе высало из неё силы, со щёк сошёл румянец, она была бледной и напуганной – это *ёнганте* определил с одного взгляда.

– Ваше высочество, – поклонился он принцессе. Она тоже узнала его и коротко кивнула, губы чуть дёрнулись в подобии улыбки. За ней следят, понял Нагиль. Возможно, ей угрожают. Прежде они редко сталкивались, и когда король хотел женить молодого командира своей стражи, он предлагал Нагилю одну из своих дочерей от наложниц. Законная дочь короля должна была достаться человеку знатного рода и остаться при дворе в окружении заботливых родителей и прислуги.

Теперь она была здесь, боялась каждого человека; даже стражники, стоящие за спиной, вызывали у неё страх – тот блестел в глазах, проступал каплями пота на бледной гладкой коже лица.

Нагиль отвёл от неё взгляд. Принцесса была одета в королевские одежды, у неё были заплетённые в высокую причёску пышные косы с множеством заколок, тонкие губы и точёный нос. Она совсем не походила на Сон Йонг, и всё же Нагиль отвёл взгляд, чувствуя, как болезненно сжимается в груди сердце.

– Знаменитый капитан драконьего войска! – поприветствовал его со своего места статс-секретарь Империи Мин.

– Господин Ван Шоужань. – Нагиль коротко кивнул ему и подал знак Чунсоку. Тот вышел вперёд, протягивая стражнику перед секретарём свиток с указом его величества.

– Ах, – вздохнул Шоужань, прочитав приказ Ли Хона. – Теперь мне стоит обращаться к вам «генерал драконьего войска». Похвально, генерал.

Принцесса не смогла сдержать удивления и смотрела на Нагиля широко распахнутыми глазами.

– Я наслышан о вашей доблести. И о силе, что в вас сокрыта.

– Что ж, значит, нам будет гораздо проще договориться, раз мы знаем друг о друге чуть больше, чем позволено незнакомцам, – ответил Нагиль. Чунсок позади него сдавленно охнул, но осаживать его времени не было. И сил – тоже.

Нагиля напрягало в Пэдучжоне всё, от воздуха, напитанного густым ароматом благовоний, до расставленных вдоль стен стражников. Их было двенадцать, по шесть с каждой стороны зала. У каждого – меч. У Нагиля, Чунсока и Боыма в руках не было ничего.

– Вы говорите от лица его величества? – уточнил секретарь. Принцесса при этих словах совсем побледнела, и Нагиль снова, вопреки воле и всем выстроенным внутри себя защитным стенам, допустил мысль о сходстве принцессы с Сон Йонг.

Проклятье.

– Согласно его первому указу, да, – кивнул Нагиль. – И я пришёл сюда с предложением для вас и Империи.

– Очевидно, ваше предложение перечеркнёт прежние договорённости между Империей и Чосоном, – секретарь склонил голову, прижал к длинным усам палец. – Что же вы хотите, генерал Мун Нагиль?

Нагиль втянул воздух через сцепленные зубы, почувствовал, как дымные благовония оседают в его горле и мешают дышать. Сожжённый рис не сдержит Дракона Дерева, смоченный в соке персика каштан не остановит Дракона Металла.

– Помогите Чосону одолеть войска Тоётоми. Продовольствие, оружие, конница – всё это будет иметь смысл, если этим будут управлять люди. Нам нужны воины Империи, секретарь.

Ван Шоужань не стал возражать.

– Всё так, генерал, но теперь, когда на троне Чосона сидит его законный *живой* наследник, Император не видит возможности помогать ему безвозмездно.

– Не безвозмездно, – отрезал Нагиль. Он не смотрел на принцессу, но чувствовал на себе её взгляд, ждущий, болезненный. – Его величество и Совет всё так же предлагают Империи заключить брак между вашим сыном и дочерью короля.

Принцесса зашуршала пышными юбками – стискивала шёлк в руках, понял Нагиль по звуку. Простите, ваше высочество. Не в моих силах помочь вам избежать такой участи.

– Брак с королевской дочерью – это хорошее решение, – согласился Шоужань. – Сулящее мир нашим странам. Но прежние условия предлагали Империи больше... – Он остановился, подбирая слова, и Нагиль бросил ему в ноги:

– Больше выгоды? Это правда, господин Ван Шоужань. Но таков новый порядок вещей в Чосоне.

Секретарь посмотрел на принцессу, и та вся сжалась, ссутулила плечи. Что с ней делали при дворе, когда король умер? Какими словами выдавливали из неё достоинство? Какими угрозами смачивали каждое её лакомство?

– Что насчёт его величества? – спросил, наконец, секретарь, когда Нагиль уже стискивал руки, вжимал себя в пол и не смотрел, не смотрел, не смотрел на принцессу. – Брак между ним и дочерью императора был бы ещё более благодатным условием для сотрудничества.

– К сожалению, его величество уже помолвлен, – отрезал Нагиль.

– О. – Шоужань выпрямился в кресле и потянулся к нему всем телом. – Понимаю. Вы хорошо разыграли партию, генерал. Тогда...

Шоужань замер, вгрызаясь глазами в фигуру Нагиля, и тот ответил ему прямым взглядом, в котором полыхнули искры несуществующего огня. Незримая угроза, повисшая в воздухе, секретаря несколько не напугала. Человек, облечённый властью, не чувствует себя беззащитным, когда даже Великий Зверь должен подчиняться букве закона, которую он же и диктовал.

– Тогда что насчёт вас, генерал драконьего войска?

Огонь в глазах Нагиля потух, он моргнул и весь вытянулся.

– Простите?

– Как насчёт брака между дочерью Императора и вами, генерал? Империя предлагает вам руку принцессы Юнмень, младшей дочери Императора династии Мин.

Чунсок позади Нагиля ахнул в голос, даже Бойм поперхнулся спёртым воздухом. Оба уставились на Нагиля. Принцесса смотрела на Нагиля. Весь проклятый зал Пэдучжона смотрел на Нагиля и ждал.

– Вам нужен Великий Зверь, – сказал Нагиль прямо. – Я вас понимаю. Если я соглашусь, вы не станете претендовать на руку принцессы?

Шоужань улыбнулся, и Нагиль с неудовольствием отметил, что не было в его улыбке ничего предостерегающего от необратимых последствий.

– Принцесса сможет остаться в Чосоне и жить рядом с его величеством в достатке королевского двора, – ответил секретарь. – Под мирным небом Чосона, которое наши страны отводят себе общими силами. И общим войском, генерал Мун Нагиль.

– Генерал, – проблеял Чунсок.

– Генерал, – кротко позвал Бойм.

Нагиль взглянул на принцессу, её бледное лицо, широко распахнутые глаза в обрамлении слипшихся от слёз ресниц.

– Хорошо, – ответил Нагиль. – Пусть будет так.

Ван Шоужань хлопнул в ладоши, Чунсок выругался. Принцесса обессиленно откинулась на спинку кресла, утопая в своём пышном ханбоке.

Боль, грызущая нутро Нагиля, вдруг остыла и превратила пылающий в груди огонь в лёд.

Ведущий в бездну путь

6

Пусан, Южная Корея, середина лета 2024 года, год Деревянного Дракона

Йонг заставляла себя работать. Вычислять вариации схождения звёздных тел, вывести расстояние от Солнечной системы до двух открывшихся новых галактик, данные о которых их институту спустили из Сеула, делать отчёты для руководителя Пака. Даже общаться с Юной и Тэгёном и – менее успешно – не отводить взгляд, когда на неё смотрел старший помощник Тэ через три ряда в офисе. Она почти справлялась и домой возвращалась совсем без сил, падала на кровать и засыпала как убитая, без сновидений. Ей всё ещё было холодно по ночам, но она гнала от себя навязчивые мысли о влиянии Великого моря и о том, что на месте её ровной гладкой кожи на шее должна быть змеиная чешуя.

В тот день, когда детектив Бо Чжихон прислал ей сообщение, Йонг чувствовала себя неважно: с самого утра болел низ живота и подташнивало. Йонг списала всё на сбившийся цикл, закинула в себя обезболивающее и явилась на работу раздражённое обычного.

«Госпожа Сон Йонг, у меня есть сведения касательно Ким Рэвона. Давайте встретимся сегодня». Сообщение Йонг не увидела, закопавшись в расчёты по приближающейся сизигии²⁰. По прогнозам, к середине зимы их ожидал большой парад планет, и Йонг хотела представить данные к новому демо-дню, чтобы предложить столичному институту проспонсировать их наблюдения.

Она уже высчитала примерное время прохождения Венеры и Меркурия по диску Солнца, когда почувствовала резкую боль в правой части живота и согнулась над ноутбуком.

– Госпожа Сон Йонг, я принёс вам отчёт... *Омо*, вы в порядке?

К Йонг наклонился старший помощник Тэ; она не смогла отодвинуться вовремя и почувствовала его ладонь на своей, сжатой от напряжения.

²⁰ Выравнивание трёх и более астрономических тел в пределах Солнечной системы на одной прямой. Используется в астрономии, популяризовано как «парад планет».

- Я в порядке, – выдохнула она, но старший помощник Тэ руку не убрал.
- Не думаю, – ответил он серьёзно. – Вы побледнели.

Да неужели? Йонг хотела огрызнуться, но новый виток боли пронзил весь её живот и опустился в самый низ, стрельнул вправо. Это же не может быть... Она почувствовала, как тошнота, мучившая её с самого утра, подступает к горлу непреодолимым позывом, и попыталась встать со стула.

От резкого движения её скрутило по новой, Йонг, охнув, почти упала в руки перепуганного старшего помощника Тэ.

– Госпожа Сон...

– Молю, не называйте меня так, – потребовала Йонг, но из-за боли голос сделался высоким. Она же вот-вот заплачет! Нет-нет, этого нельзя допустить, она не должна...

– Где болит? – спросил старший помощник Тэ вмиг изменившимся тоном. Йонг даже напряглась, сквозь плену мучений уловив в нём знакомые нотки. Стало ещё дурнее. – Сон Йонг-щи!

– Внизу живота, – стиснув зубы, ответила Йонг. – Справа.

Рука, которой старший помощник Тэ придерживал её, сжалась вокруг её предплечья.

– Я вызываю «Скорую».

– Что? Нет, не нужно, это же...

– С таким не шутят, Сон Йонг-щи.

Он вызвался проводить её вниз, а когда к зданию института подъехала машина «Скорой», оценив обстановку, повёл Йонг к врачам.

– Вы не должны, – повторяла Йонг, как в бреду. Её уже вырвало в туалете на первом этаже, потом чуть не стошнило прямо на пиджак старшего помощника Тэ, и потому, похоже, он был непреклонен:

– Я поеду с вами. Скажу руководителю Ли, что доделаю всё позже. Вам нужна помощь.

И пока Йонг проверяли медсестра и врач, пока везли на каталке, уже стонущую в голос, в операционную, выявив аппендицит, старший помощник Тэ ждал её в вестибюле. После наркоза Йонг чувствовала себя сонной и с трудом воспринимала реальность, поэтому лицо старшего помощника Тэ в ярком свете больничной лампы она увидела обрамлённым длинными кудрявыми волосами.

– Ох, Нагиль, зря ты не пришёл за мной раньше, – бормотала Йонг заплетающимся языком. Мысли плавали словно в бульоне, ей снова было холодно, она слышала невнятные голоса вокруг себя, которые переплетались с шипением. *Да, шептало её сознание, тони глубже, глубже... Я покажу тебе силу, я подарю тебе власть над смертными...*

Над ней в общей палате нависал старший помощник Тэ и слова Йонг воспринимал на свой счёт – а что ещё ему оставалось, если он носил то же имя, что и капитан драконьего войска, которого в мире Йонг быть не могло.

– Пospите, госпожа Сон Йонг, – говорил Нагиль. – Я сообщу руководителю, что с вами теперь всё в порядке и опасность миновала.

– Ли Хону? – переспрашивала Йонг. Нагиль хмурился и просил повторить. – Его высочеству скажешь? Он же в плену... Святые духи, зачем ты отпустил его с японцами...

– Я не отпускал, – отвечал Нагиль жутко неуверенным голосом.

– Да, знаю. Тебе пришлось...

Йонг провалилась в новый сон, как в воду, и ушла сразу на самое дно глубокого холодного водоёма. Сначала её окружала густая тьма, облепляющая руки и ноги, неприятная и скользкая. Йонг пришлось провести в ней долгое время, чтобы её глаза привыкли и смогли различать в этой тьме очертания огромного тела. Длинного, извивающегося. Оно было гораздо больше Йонг, и голова, венчавшая его, была размером с неё саму.

– Отпусти нас-с-с, – зашипел имуги. У него светились белым глаза, хотя здесь, на дне Великого моря, не было источников света, и только больничный халат Йонг, полы которого плавали и обвивали её, был единственным пятном светло-голубого цвета.

– Я тебя не держу, – возразила Йонг. Страху не было: она будто всегда знала, что имуги пришёл с ней из не-Чосона и жил в ней всё это время, и это он искушал её в ночи всеми доступными способами. Вызывал жажду, вызывал голод, шептал, что Йонг должна вернуться в его родной мир и подарить ему свободу. Злил её, злил тем, что обманывал.

– Держиш-ш-шь, – прошипел имуги. – Держиш-ш-шь нас-с-с обоих в плену. Не даёш-ш-шь себя разбудить.

– Я не сплю.

– Спиш-ш-шь. Хочеш-ш-шь забыть меня.

Йонг ненавидела, когда ей лгали, и ни Ким Рэвону, ни проклятому змею не хотела давать шансов поймать себя на удочку, словно золотую рыбку из мифов, и заставить играть по своим правилам.

– Не тебя. – Она почувствовала злость и ответила резче: – Изыди, уйди обратно.

– Так выведи нас-с-с. Зачем забывать с-с-смертного капитана, если можно к нему вернуться-с-ся?

Змеиная голова приблизилась к Йонг, глаза уставились на неё, огромные, как глянцевые блюда музейной коллекции её мамы. Узкие зрачки были похожи на два тугих лука, которые Йонг так и не поддались, когда она пыталась тренироваться под бдительным надзором Чунсока.

Змеинные слова были сладкими, точно медовый сироп, которым пропитывали печенье и давали детям на праздник. Его слова дарили неправильную, тянущую жилы надежду, будто Йонг в самом деле могла вернуться в не-Чосон, если бы поверила ему.

– Я не знаю как, – созналась Йонг. Произнесённая вслух, эта правда снова сделала её беспомощной, злость вытекла из тела и слилась с водами Великого моря.

– Знаеш-ш-шь, – зашипел имуги и сам словно разозлился. – Всё, что нужно, у тебя есть, все замки. Найди ключ, я покажу тебе путь, и мы с-с-сможем вернуться-с-ся.

Имуги не был Великим Зверем, не был Драконом. Он был подражателем, воплощённой в миру завистью, жадой, облечённой в тело ядовитого монстра, которая мечтала о силе и ради обладания ею могла сломить любого смертного. Лан говорила, что имуги нельзя верить. А у Йонг не было причин не доверять шаманке.

Она хотела ответить, но змей махнул хвостом, и поднявшаяся волна снесла её тело, как щепку, и вынесла на поверхность Великого моря. В сознание.

* * *

Через пару дней, когда её выписали, строго наказав соблюдать постельный режим ещё неделю, Йонг лежала в своей спальне, снова на полу, наплевав на врачебные указания, и трогала накладку на животе. Теперь у неё останется шрам. Зато, думала она лениво, ей не грозит умереть от разорванного аппендикса в не-Чосоне, где медицинские услуги вообще не предлагали людям операций подобного рода. Или предлагали? Надо бы уточнить у мамы... Кажется, разрезать живот и зашивать его обратно врачи научились ещё при короле Седжоне и во времена Имджинской войны должны были делать это куда быстрее и легче.

О чём она думает... Йонг одёрнула себя, рассердилась на безумные мысли и, чтобы отвлечься, поискала рукой телефон.

Пока её оперировали, не дождавшийся ответа шеф полиции Бо Чжихон позвонил ей, а ответил ему старший помощник Тэ. Позже, когда Йонг очнулась во второй раз, он повторил ей слова полицейского, отчего-то краснея и не глядя ей в лицо:

– Сон Йонг-щи, полиция отыскала Ким Рэвона. Не нашего, вернее, не того, кто выдавал себя за специалиста из Сеула, а настоящего. Оказывается, *настоящий* Ким Рэвон попал в аварию полгода назад и всё это время был в коме, его держали в больнице в Чхонджу. Он недавно пришёл в себя.

Теперь детектив Бо просил о встрече с Йонг, чтобы она подтвердила, что настоящий Ким Рэвон и тот, которого она знала, были разными людьми. Йонг могла сказать это и без встречи. Знаете, детектив Бо, тот Ким Рэвон, которого я знала, это пришелец из другой вселенной, он служит японскому генералу и собирается захватить не-Чосон. Вот же бред.

Йонг просматривала сохранившиеся фотографии Рэвона на своём смартфоне. Он не хотел фотографироваться, старался прятать лицо, говорил, что не любит тратить время на то, чтобы запечатлеть хорошие моменты, а любит их проживать. Ну конечно. *Обманищик*.

Злости к Рэвону или, ещё хуже, ненависти она не чувствовала. Наоборот, каким-то болезненным, искажённым не-Чосоном сознанием она понимала, что даже благодарна ему. За то, что показал другую вселенную, за то, что привёл к Нагилю. За то, что дал понять, что и в другом мире у неё есть человек, на которого можно положиться даже в смертельной опасности.

Пусть увидеть его Йонг не сможет и должна превратить в сказку, миф, забыть его не получится.

– Не получитс-с-ся, – зашипели стены спальни. Йонг распахнула глаза, в которых уже собирались слёзы, и шмыгнула.

– Кто здесь? – громко спросила она. Голос, который чудился ей в наркотическом бреду, теперь преследовал не только по ночам, но и среди дня, прорываясь сквозь бессмысленные видения, которые Йонг доставала из памяти, мучая ими себя.

– Ты знаеш-ш-шь, – шипели стены.

– Уйди в *тальцим*, – огрызнулась Йонг. – Сгинь.

Навязчивое шипение удавалось прогнать, но в зеркалах, в мутном отражении её лица в окнах Йонг видела не себя, а очертания змеиной головы с белыми глазами. Она моргала, гнала прочь эти видения, и те, искажаясь, пропадали, оставляя после себя только напоминание – зрачки в глазах Йонг сужались, становились похожими на глаза имуги, кожа на шее лопалась, наружу проступала змеиная чешуя холодного сине-зелёного цвета. Потом Йонг трогала шею и не находила там ничего. Только её отражение зависало на некоторое время, прежде чем уходить следом за своей хозяйкой из ванной или коридора.

Йонг так злилась на то, что видит, что в день своего возвращения в институт, столкнувшись со старшим помощником Тэ прямо в дверях офиса, даже не спрятала взгляд. Он заметался в коридоре, потом, всё же определившись, открыл для Йонг дверь.

– Спасибо. – Она даже смогла улыбнуться. Получай, грёбаный имуги. Йонг не станет плясать под твою дудку, веря бессмысленным обещаниям.

– Вы в порядке? – спросил старший помощник Тэ. Йонг вошла в офис и оглянулась. – Я имею в виду ваше здоровье. Вы хорошо себя чувствуете?

– Да. Да, спасибо. И... – Йонг замерла у развилки между рядами, повернулась к старшему помощнику Тэ. – И спасибо вам за помощь. Я бы без вас не справилась. В больнице, я имею в виду.

Он отчего-то смутился.

– Я должен был, в смысле, каждый бы на моём месте так...

– Помощник Тэ, – мягко перебила его Йонг, чувствуя, как елеинный тон злит имуги внутри её, – достаточно просто принять мою благодарность, вы не обязаны объясняться.

Старший помощник Тэ неуверенно улыбнулся, на щеках проступили ямочки. Он был милее, когда улыбался, и так его лицо становилось другим, непохожим на лицо Нагиля.

«Глупая с-с-смертная», – шипел имуги, пока Йонг шла к своему рабочему месту, стараясь думать о старшем помощнике по-новому. Змей питался её страданиями, а хорошие эмо-

ции отвергал, как яд, и Йонг, поняв это, напирала с удвоенной силой на мимолётную радость и теплоту в груди. Подавись, проклятый змей.

Йонг вернулась к оставленной на несколько дней работе, и, хотя руководитель Пак ни слова не сказал по поводу её бесконечных больничных, весь день принимал недовольный вид и с ней говорил нехотя. Ничего, Йонг его понимала. В последнее время она показывала себя не с лучшей стороны, но у неё были шансы исправиться.

Жизнь, о которой она забыла, погрузившись в себя, не останавливалась, планета продолжала крутиться вокруг своей оси и вокруг Солнца, люди рождались, жили и умирали, и совершали подвиги в обычные рабочие будни. Может быть, не геройствовали так сильно, не спасали страну от захватчиков, не жертвовали собой, чтобы поменяться на несчастную девушку и спасти безумца капитана, пожелавшего отдать за неё жизнь... И тем не менее *эти* люди, в мире Йонг, были героями и защитниками, они давали обещания и старались сдерживать их, – и хорошо, что никакой Великий Зверь не съедал их сердца за то, что порой они не выполняли обещанного.

Йонг думала об этом несколько дней и, когда закончила с расчётами прохождения планет Солнечной системы по диску Солнца, высчитав точную дату сизигии, руководитель Пак сменил гнев на милость.

– Это будет самый большой парад планет с 1982 года, младший помощник Сон, – сказал руководитель, принимая бумаги у неё из рук. – Ты посчитала покрытие Юпитера Ио?

– Да, как велели. Это будет красивое зрелище, да?

– Очень. Будем надеяться, нам предоставят доступ к телескопам сеульского института.

Парад планет должен был случиться в ночь с двадцать первого декабря на двадцать второе, как раз перед Рождеством. Йонг невольно подумала о том, могли ли в не-Чосоне наблюдать похожее явление, и тут же сердито себя одёрнула. Прекрати, это запрещённые мысли.

Но что-то её потревожило, за обычной тоской, проникающей под кожу вместе с дыханием, ощущение *узнавания*, которое она не смогла оценить правильно и потому отодвинула в сторону.

– *Мер'тонъ*, – выругалась Йонг. – Забудь, глупая.

– Вы снова говорите сами с собой? – раздалось у неё за спиной. Йонг уже направлялась к выходу из института, когда её нагнал старший помощник Тэ. Он снова выглядел... смущённым. Да что такого она ему наговорила, пребывая в наркотическом путешествии сквозь вселенные, что он теперь смотрит на неё так неуверенно?

– Привычка, старший помощник Тэ, – чуть улыбнулась Йонг. – Вы что-то хотели?

– Да-а... – протянул он и почесал в затылке непривычным движением. Непривычным для Йонг, которая это лицо и это выражение его видела при других обстоятельствах. В груди шевельнулась боль, теперь превратившаяся в длинное извивающееся тело имуги.

Йонг резко выдохнула, помотала головой и покинула институт вместе со старшим помощником Тэ. Он смотрел, как Йонг сердито кусает губы, и старался от неё не отставать.

– Госпожа Сон Йонг! Простите, вы велели не звать вас так.

Йонг поняла, что от злости шагает быстрее и шире, и сбавила скорость.

– Да?

– Вы не хотели бы... – голос старшего помощника Тэ стих, он вдруг дотронулся до локтя Йонг, скрытого под тонкой летней блузкой. – Сон Йонг-щи, вы не хотели бы со мной поужинать?

Йонг так удивилась, что не смогла отказать. Имуги внутри её был в ярости.

Так она оказалась в кафе напротив старшего помощника Тэ. Если она не смотрела на него, то могла заставить себя думать, будто проводит время с обычным милым парнем, совсем-совсем не похожим на Нагиля. Или ей следовало вести себя по-другому? Следовало смотреть на этого Нагиля, принимать его и, кто знает, может быть, в конце концов даже полюбить?

Это было бы хорошим итогом её метаний. Это было бы неплохим будущим для глупышки, решившей, что во всём мире её родной вселенной не найдётся того, кто сможет заменить капитана драконьего войска.

«Зачем ис-с-скасть замену, – прошипел имуги, – если можно вернуться к капитану, глупая девчонка».

«Пошёл ты», – равнодушно ответила ему Йонг и подняла чашечку двумя руками, чтобы старший помощник Тэ наполнил её жасминовым чаем.

– Я бы пригласил вас выпить, – улыбнулся он, – но врачи сказали, что некоторое время вам придётся воздержаться от алкоголя.

«Ты уже знаеш-ш-шь, что замочная с-с-скважина суц-щ-ществует, – упорствовал змей. – У тебя ес-с-сть ключ, отыщ-ш-щи замок!»»

Ключ, какой ключ? Йонг старалась слушать старшего помощника Тэ, но имуги шипел ей в уши, и, похоже, из-за этого она перестала отделять свою реальность от фантазий, которые подбрасывал ей змей.

«Когда одной с-с-стрелой можно будет пронзить с-с-семь звёзд в небе, – шипел имуги, – тогда тебе откроетс-с-ся путь».

Когда одной стрелой... Что за загадки? У Йонг не было сил играть с этим, она зажмурилась, закинула в рот очень острый кимчи, перепутав его с соевыми ростками, и охнула.

– Зачем же вы! – спохватился старший помощник Тэ. – Вот, заешьте рисом.

Повторяя, что Йонг должна придерживаться диеты, старший помощник Тэ заказал ей кальби-тан²¹ и попросил, чтобы закуски ей принесли пресные, и в этом жесте Йонг почувствовала заботу, а имуги – предательство.

«Улыбаеш-ш-шься человеку с лицом твоего капитана, – глумился он, стараясь разозлить её. – Теряеш-ш-шь время, растрчиваеш-ш-шь его на подделку».

«Заткнись, ради всех святых духов».

«Глаз откроетс-с-ся и закроетс-с-ся, – настаивал змей. – А ты так и не поймёш-ш-шь, что у тебя был ш-ш-шанс. Ос-с-ставайся в с-с-своей Бездне отчаяния, глупая с-с-смертная».

Глаз откроется и закроется.

Глаз откроется.

Глаз.

Йонг уронила ложку, и старший помощник Тэ дёрнулся от удивления.

– Сон Йонг-щи?

– Старший помощник Тэ, – медленно позвала она, глядя сквозь него. – Вы знаете, когда будет парад планет?

Он смутился, потом улыбнулся.

– Мы так его не называем, Сон Йонг-щи. Простите. Нет, календарь ещё не обновляли.

– А я знаю, – почти задыхаясь от лавины только что открывшейся ей правды, прошептала Йонг. – Их должно быть семь. Семь глаз. Семь врат. Открылось только шесть. Вы понимаете?

Старший помощник Тэ покачал головой.

— Честно говоря, не очень. Но если вы объясните мне...

– Последний Глаз Бездны ещё не открылся.

Йонг зашарила по столу, схватила салфетку и сложила её таким образом, чтобы в ней получилось шесть слоёв. Седьмой она наложила сверху, свернула в трубочку и посмотрела сквозь неё на почти испуганное лицо старшего помощника. Если завтра он не расскажет всем, что младший сотрудник Сон Йонг окончательно двинулась, это будет большим везением.

Она нашла её, замочную скважину. У неё был ключ: частица той Йонг, что осталась в не-Чосоне, так и не сумев покинуть сердце капитана Мун Нагиля.

²¹ Суп из говяжьих рёбрышек.

«Наконец-то, – довольно зашипел имуги. – Я укажу тебе путь, если ты с-с-сможешь отыс-с-скать правильное место. У тебя вс-с-сего пять новолуний. Потрать это время с пользой, и мы с-с-сможем вернутьс-с-ся».

– Мы сможем вернуться, – повторила Йонг. Опустила салфетку и взглянула на старшего помощника Тэ, впервые за весь вечер по-настоящему. – Тэ Нагиль, я могу попросить вас о помощи?

7

Пусан, Южная Корея, конец лета 2024 года, год Деревянного Дракона

Как это работает? Как это *будет* работать?

Йонг корпела над картами с расположением звёзд снова, но теперь изучала небо над родной Кореей, гадая, насколько сильно оно отличается от неба не-Чосона – снова! Шестой Глаз Бездны открылся рядом с Конджу, почти в середине полуострова, но её оттащило обратно в Пусан, а время сжалось до нескольких часов вместо трёх месяцев.

«Не думай про миры, думай про место, – ворчал имуги внутри Йонг. – Тебя притянуло обратно, потому что ты была частью с-с-своего мира. Обратно мы вернёмс-с-ся, потому что в Чосоне осталас-с-сь часть тебя. Доверьс-с-ся мне и перес-с-стань тратить с-с-силы на то, что тебе неподвлас-с-стно».

– Ага, – отзывалась она. – Если мы ошибёмся в расчётах, то никогда не увидим Глаз.

Вместо привычных уже сверок своего неба с небом не-Чосона она думала о том, насколько медленнее течёт время в её мире, и её охватывали сомнения, всё больше и больше, оплетали разум, точно змеиные кольца.

«Ты почувс-с-ствуешь, когда придёт час-с-с», – шептал имуги.

– *Ты почувствуешь...* – передразнивала его Йонг и злилась. На себя за слабые познания в действительно нужной ей области и на него – за то, что не помогал, а только расстраивал. Впрочем, она и не должна была рассчитывать на помощь мифического существа, в не-Чосоне оказавшегося по-настоящему злой версией из легенд её вселенной.

– Что случится с тобой, если мы не вернёмся в не-Чосон? – спрашивала Йонг вечерами, без сна лёжа в своей кровати. Она попросила у родителей футона, мама вытащила ей бабушкино наследство с таким видом, будто Йонг просила подарить ей пони. Пришлось соврать, что ей жарко спать на кровати, и это было почти правдой: лето в Пусане выдалось жарким и удушливым, ветра привычно сменили курс и в августе задували с материка, высушивая посевы. Говорили, это был самый жаркий сезон в Корее. Говорили, мир ждут перемены, и не самые приятные для климата всего земного шара.

Мир Йонг точно изменился, и она намеревалась перевернуть его полностью.

«Я потеряю с-с-силу, – шипел имуги злобно. – Я уйду навс-с-егда».

– Ну и в *талъцим* бы тебя.

«Здес-с-сь плохо, – жаловался имуги. – Твой мир отторгает магию, твой мир живёт мифами, будто с-с-сказками, не считае-с-ся с нами. Мы ему не нужны».

– *Ты* ему не нужен, – парировала Йонг. – Ты единственный представитель мифов в моей вселенной, не понял ещё?

«Ты тоже, – злорадствовал змей. – Ты тоже ис-с-счезнешь, сгинеш-ш-шь следом, и никто о тебе не вспомнит».

– Ври больше.

Йонг не доверяла имуги. Может быть, о Глазе Бездны он не врал и тот действительно ещё откроется на территории Южной Кореи (Йонг боялась думать о том, что ради возвращения в не-Чосон ей придётся пробраться в Северную Корею и, возможно, попасть не к Нагилю, а в тюрьму), но свою связь с имуги она ощущала не так сильно, чтобы страшиться возможной гибели вместе со змеем. Он был отголоском иного мира, страшной сказкой, живущей в ней из-за путешествия сквозь чёрные дыры. Она не умрёт, если он исчезнет.

«Думай, как хочеш-ш-шь, – шипел имуги. – Всё равно тебе придётся доверитс-с-ся мне».

– Иначе что? – огрызалась Йонг.

«Иначе не видать тебе твоего капитана».

Йонг вздыхала, копалась в картах до поздней ночи, просыпалась по утрам уставшей и злой, всё больше походя на змею, и не могла со змеем не соглашаться. Грёбанный имуги. Коварный искушитель женского сердца, страдающего по человеку из другой вселенной.

Руководитель Пак, едва решивший, что его младший сотрудник стоит терпения, вновь ругал её за медлительность, за то, что в расчётах она начала ошибаться, хотя прежде за ней такого не наблюдалось, за то, что к работе стала подходить без должного рвения и блеска в глазах.

– Не знаю, что с вами происходит, младший сотрудник Сон, – сердился он, – но так долго продолжаться не может. Возьмите себя в руки, или я вас уволю.

Спорить с ним Йонг не решалась, понимая, что он прав. И ещё понимая, что независимо от исхода её поисков итог у них один: она больше не вернётся в космический институт Пусана, куда стремилась попасть со школы. Попадёт ли она в не-Чосон или её уволят, если Йонг совсем перестанет работать, потеряв веру в себя и свои силы, – сейчас это было равноценно и ожидаемо.

Если она не сможет найти Глаз Бездны в своём мире, то сама уволится. Находиться там, где она каждый день будет сталкиваться с изучением звёздного неба и пониманием, что познать его так и не сумела, – это станет для неё пыткой. Большей, чем видеть старшего помощника Тэ Нагиля.

– Почему вы перевелись к нам, Тэ Нагиль-щи? – спрашивала Йонг на обедах, куда стала спускаться с Юной и Тэгёном, почувствовав в себе силы хотя бы жить. Тэ Нагиль теперь садился рядом с ней и следил, чтобы она ела только пресную пищу. Йонг так и не узнала, что он слышал от неё в больнице и насколько всё было критичным, но понимала, что пользуется его вниманием сверх меры.

Она могла бы ответить на его чувства – те были очевидными, да и Тэ Нагиль не скрывал их. Улыбался ей, помогал в работе, помогал после работы, когда она задерживалась в институте, вновь погружаясь в расчёты, в которых он не видел смысла. Она могла бы... полюбить его даже.

Только краткий порыв заинтересованности в ней угас с новыми знаниями о Глазе, и Йонг не хотела играть чужим сердцем. По крайней мере, она *пыталась* не делать этого.

– Я понял, что с вами смогу быть гораздо продуктивнее, – отвечал Тэ Нагиль легкомысленно.

– С нами? – подкалывал его Тэгён. – Или с нашей Йонг-щи?

Он смеялся и уходил от ответа. Юна косилась на Йонг, цеплялась за её руку.

– Ну взгляни на него! – шептала она ей прямо в ухо. – Парень просто красавчик! Забудь уже того ублюдка. Кстати, о нём... Тэгён, говорят, настоящий Ким Рэвон скоро приедет к нам?

– Ага. В следующем месяце восстановится. Странно будет его увидеть, да?

Настоящий Ким Рэвон на того, которого знала Йонг, походил слабо. Оставалось гадать, каким образом Рэвон-сонбэ смог за короткое время отыскать своего тёзку, подделать документы и явиться в институт Пусана под чужим именем, если в первые дни на новой работе путался в зданиях и с неохотой пользовался смартфоном.

Потому что он был умён, думала Йонг. Потому что успел побывать минимум в двух вселенных, где прогресс мог скакнуть вперёд или вообще уйти в сторону от её мира. Может быть, поиски юджон-ёнг научили Рэвона не просто подстраиваться под окружение, но и впитывать все полезные знания, понимать технологии, ориентироваться в том, что Йонг могла наблюдать только в научной фантастике.

Однажды он рассмеялся над её шуткой про телепортатор из «Стартрека». Кто знает, может, он побывал во вселенной, где тот был бытовой реальностью, а не выдумкой сценаристов.

«Когда вернусь в не-Чосон и найду сонбэ, – думала Йонг, – обязательно уточню, что он видел в других мирах».

«Ес-с-сли», – поправлял её имуги.

«Ты не помогаешь!»

– Сон Йонг-щи?

После очередного рабочего дня она собиралась навестить в исторический музей и посмотреть на карты звёздного неба в Чосоне времён Имджинской войны – и спешила до закрытия, когда её нагнал Тэ Нагиль.

– Да? – Она не остановилась, но сбавила шаг. Старший помощник поравнялся с ней, и вместе они дошли до автобусной остановки.

Хорошо бы ещё посетить столичную обсерваторию, сетовала Йонг, но времени на это у неё нет.

– Я могу составить вам компанию? На экскурсии, я имею в виду, – добавил Тэ Нагиль в ответ на вопросительный взгляд Йонг. – Вы говорили об этом днём, я случайно услышал...

Вообще-то, нет. Ей не стоило давать ему надежду на...

– Да, – улыбнулась Йонг. – Почему бы не сходить в музей вместе.

Тэ Нагиль просиял. То, как он улыбался и с какой охотой дарил ей свои улыбки, делало Йонг слабее. И злее. Юна была права: Тэ Нагиль был умнее её, к тому же красив и лёгок на подъём. А ещё был заботлив, внимателен, воспитан...

Просто он не был Нагилем.

«Ты с-с-слабая, – злился имуги. – Ты позволяешь-ш-шь эмоциям вес-с-сти тебя, ты забываешь-ш-шь о цели».

«Мы ради неё в музей и едем, *идиот*».

Исторический музей Пусана был самым крупным в стране, но Йонг миновала главный корпус, в котором хранились экспонаты, посвящённые только истории Пусана от древности до эпохи Корё, и направилась сразу к залам японско-корейской истории. Тэ Нагиль шагал рядом с ней и, как обычно, не задавал вопросов.

– Вас интересует что-то конкретное? – спросил он на входе. До закрытия музея оставался всего час, и Йонг сомневалась, что успеет добраться до нужных ей документов.

– Да, – сказала она, – я ищу Имджинскую войну.

Тэ Нагиль свернул влево от главного зала и указал Йонг дорогу.

– Тогда нам в ту сторону.

Она усмехнулась – кто бы мог подумать, что и здесь направлять её будет Нагиль.

Зал почти пустовал. Малочисленная группа топталась у выхода, Йонг обогнула её и вместе с Тэ Нагилем пришла к подсвеченным на стойке письмам адмирала Ли Сунсина. Большинство его записей передали в сеульский музей, здесь осталась только часть, но их хватало, чтобы оценить свои силы.

– Что мы ищем, Сон Йонг-щи?

– Вообще, я хотела посмотреть на карты звёздного неба над Чосоном в тот период, но здесь, кажется, мне такого не покажут...

Мама водила её в этот музей годами, но чаще всего Йонг проводила вечера в залах эпохи Корё, где та работала, а сюда попадала от случая к случаю. Деятельность Ли Сунсина Йонг изучала по книгам в домашней библиотеке отца; она знала, когда и как адмирал построил свои знаменитые корабли, каким образом одолел японских пиратов во время набегов, как стал адмиралом и повёл обновлённый корейский флот в битву при Танпхо, когда попал в тюрьму как преступник в результате дворцовых интриг... Но сейчас все её знания не приносили пользы.

Разве что...

– Тэ Нагиль-щи, – позвала Йонг. Он вернулся к стойке с чертежами кобуксона, бронированного корабля-черепахи, который придумал и построил Ли Сунсин, чтобы отвоевать у японцев море.

– Что такое?

– Как вы думаете, – заговорила Йонг, кусая губы, – если бы я строила кобуксон, сколько дерева и железа мне бы потребовалось?

Раньше, когда она в шутку задавала какие-то вопросы о Ли Сунсине и его подвиге, Рэвон отмахивался, говорил, что её рассказы больше похожи на сказки и что человеку не под силу построить бронированный корабль в одиночку. *Конечно же*, он действовал не один. У него были люди, много людей, которые верили в него и желали победы в войне с Японией.

Если бы у Йонг были люди, сколько бы ресурсов ей потребовалось, чтобы построить такой корабль? Снабдить войско не-Чосона силой достаточной, чтобы бороться с приплывающими к берегам полуострова кораблями японцев, научить людей покорять море без оглядки на покинувших их мир Великих Зверей?

– Понадобится много древесины, Сон Йонг-щи, – ответил Тэ Нагиль.

Он не смеялся над ней и говорил серьёзно: склонил голову, рассматривая чертежи, даже приложил палец к стеклу, защищающему старые бумаги, чтобы оценить размеры судна.

– Это двадцативёсельный двухпалубный корабль, – продолжал Тэ Нагиль. – Рассчитанный на восемьдесят человек. Примерно двадцать метров в длину, в ширину – чуть больше трёх метров. Понадобится очень много древесины, Сон Йонг-щи.

– И много железа, – согласилась Йонг. – Верхняя палуба обшита железом, нижняя тоже. По бокам железные прутья плюс внутри установлены пушки.

– Семь листов боковой обшивки, четыре щита на надводной части, кормовая часть защищена семью щитами. И таран с головой черепахи.

– И таран с головой черепахи, – повторила за ним Йонг, прикидывая, насколько сложно создать такое сооружение, имея при себе только топор и неограниченный запас деревьев в прибрежных лесах Тоннэ. Железо для такого проекта найти в не-Чосоне будет сложнее. Куда сложнее, чем объяснить капитану драконьего войска, что кобуксон для его народа – это жизненная необходимость, а не каприз одной упрямой госпожи из другого мира.

«Зачем ты тратиш-ш-шь время на то, в чём не смыслиш-ш-шь?» – взвыл имуги внутри Йонг.

«Я и в звёздах не-Чосона мало смыслю, – отбилась она. – Но нас же это не останавливает».

«Глу-у-упая девчонка».

«Тупой змей».

– Некоторые считают кобуксон мифом, – усмехнулся Тэ Нагиль. – Ну, знаете, такое сооружение, технологически опережающее своё время на несколько столетий... Некоторые говорят, что записи о нём – это выдумка для устрашения японского флота.

– Вы удивитесь, Тэ Нагиль-щи, – скривила губы Йонг, – сколько всего люди готовы списать на выдумку и мифы, лишь бы не чувствовать себя уязвлёнными.

Они прошли вдоль рядов с экспонатами, Йонг заметила на одной из стоек модель корабельной пушки, по форме напоминающей шею и голову дракона. Такая могла бы украшать кобуксон в не-Чосоне. Она могла бы выдыхать огонь из горла настоящего Дракона и пугать японцев до обморока.

«Тебе нужно найти мес-с-сто! – со злостью шипел имуги. – Ищи звёзды, а не корабли!»

Интересно, думала Йонг равнодушно, а Дракон в Нагиле тоже не затыкался?

«Много болтаешь, – отрезала Йонг. – Нет бы подсказал, что нам может понадобиться в не-Чосоне из моего мира».

«Ты, ты можешь понадобиться-с-ся, девчонка!»

«Ага, и чертежи кобуксона».

«Зачем?»

«Я хочу выиграть войну с Японией».

«Зачем?»

«Ты совсем глупый? Я хочу в безопасной стране жить, рядом с живым человеком, а не наблюдать, как он погибает от рук Тоётоми!»

Она возьмёт с собой чертежи и записи Ли Сунсина – и всё, что может пригодиться Нагилю и его войску.

«Разве ты не вериш-ш-шь Дракону? – съязвил имуги. – Он с-с-сильный, он вс-с-сех победит».

«Он причинил мне много боли, – возразила Йонг, чувствуя, что в груди сжимается уставшее нить сердце. – И он не такой уж сильный, у него есть... ограничения».

«С-с-смертный капитан, – злорадно усмехнулся имуги. – Человек, подверженный страстям человечес-с-ским. Если бы он позволил Дракону владеть с-с-собой полнос-с-стью, то не знал бы пощады, не ведал бы ус-с-сталости, владел бы вс-с-семи землями Чос-с-сона».

«Это твои фантазии», – ответила Йонг и разозлилась, потому что имуги был прав. Возможно, будь Нагиль более амбициозен, он бы наплевал на то, сколько разрушений принесёт его тесный союз с Драконом, и позволил тому захватить и тело, и разум. Слилсся бы с ним, выиграл войну одним взмахом огромного хвоста, а потом остался бы сидеть на руинах своей страны, считая себя её властелином.

«Столько с-с-силы, – стонал имуги. – С-с-столько с-с-силы, которую можно ис-с-спользовать в с-с-своих целях-х-х!»

«Да ты ему завидуешь», – удивилась Йонг.

«Я хочу с-с-стать таким же. И с-с-стану, если ты поможеш-ш-шь».

«О, наконец-то мы говорим правду! Так вот зачем ты хочешь вернуться в не-Чосон – чтобы стать Драконом! Тебе для этого нужно спать на дне Великого моря тысячу лет?»

«Глупая девица, верит с-с-сказкам, да не тем, что с-с-следует».

«Тогда тебе нужна жемчужина? А я смогу как-то от тебя избавиться, если достану жемчужину?»

Имуги шевельнулся в теле Йонг, ощутимо, впервые с того момента, как открыл свою пасть и стал постоянно говорить внутри её.

«Хочеш-ш-шь заключить со мной сделку?»

Нет. Йонг самолично убедилась, что сделки с Великими Зверями не приводили человека ни к чему хорошему. Они дарили надежду, а потом отнимали её, а вместе с ней отнимали часть тебя и делали слабым, безвольным, пустым существом.

– Сон Йонг-щи? – позвал её Тэ Нагиль, и Йонг вздрогнула и обернулась, выныривая из собственных мыслей. – Музей скоро закрывается, нас попросили покинуть зал. Правда, вы не нашли, что хотели...

– Ничего, – кивнула ему Йонг. – Я вернусь сюда позже.

У неё было время, чтобы отыскать нужные карты и вычислить место на небе, под которым откроется последний Глаз Бездны. И у неё был план.

За то время, что ей придётся прожить в невыносимом мучительном ожидании, она соберёт все возможные записи Ли Сунсина и других полководцев времён Имджинской войны своего мира, чтобы принести это в не-Чосон и помочь Нагилю вырвать страну из загребущих лап японского генерала.

Если к тому моменту, когда она вернётся, не-Чосон ещё не погибнет.

Надо было взять с Дракона обещание, что он любым способом сохранит жизнь Нагиля на долгие-долгие годы вперёд, зло думала Йонг, медленно пересекая мемориальный парк вокруг музея Пусана, чтобы прийти к автобусным остановкам. Тогда бы она не просыпалась среди ночи в слезах, потому что ей снова приснилось, как Нагиль умирает. Тогда бы она не сомне-

валась, что сможет вернуться к нему и найти не погребальный костёр с его телом, исколотым мечами и вилами, а найти его, живого.

«Он жив», – прошипел имуги. Несмотря на то что страдания питали змея, такие мысли его злили не меньше, чем Йонг. Потому что после них у неё опускались руки и делать она ничего не хотела, боясь надуманных картин, которые могла увидеть в не-Чосоне.

«Я не собираюсь сдаваться и всё равно вернусь в не-Чосон», – возразила Йонг, почувствовав, что имуги снова хочет шипеть ей в уши о доверии. Верить змею себе дороже.

«И сможешь-ш-шь с-с-своему капитану, да-а-а. Зря. Больше войн – больше с-с-смертей. Больше с-с-смертей – больше с-с-страданий».

«Не стать тебе Драконом с таким мировоззрением».

«Ты ничего не знаешь-ш-шь о Драконе. Ему больше лет, чем ты можешь-ш-шь с-с-себе представить. Мне больше лет, чем ты можешь-ш-шь вообразить».

«Я знаю тебя всего пару месяцев, и ты уже меня бесишь», – огрызнулась Йонг.

Она остановилась у выхода из парка, чтобы подождать отставшего Тэ Нагиль. Тот нагнал её и, виновато улыбнувшись, предложил поужинать.

– Почему вы со мной возитесь, Тэ Нагиль-щи? – спросила Йонг. Она спрашивала без претензий и надеялась, что вопрос звучит так же, хотя порой Тэ Нагиль говорил ей, что она хочет казаться злее, чем есть на самом деле.

– Простите?

– Я вечно витаю в облаках, работник из меня сейчас так себе... Опыта вы со мной не получаете, веселья не видите, так отчего же?

Он пожал плечами, в глазах отразился искажённый свет фонаря, на мгновение показавшийся Йонг огоньком от костра или факела. Она несколько раз моргнула, чтобы прогнать видение.

– За вами интересно наблюдать, Сон Йонг-щи, – ответил Тэ Нагиль. – Вы витаете в облаках, но мне бы хотелось знать, о чём вы всё время думаете. Потому что тогда вы улыбаетесь.

– Улыбаюсь? – нахмурилась Йонг. Она-то думала, что выглядит несчастнее всех девушек планеты.

– Точно так. Должно быть, вы думаете о хорошем.

Он мог бы ошибаться... Но всё было правдой. С тех пор как Йонг послушала имуги и нащупала себе яркую, точно драконово пламя, цель, ей хотелось только одного: поскорее прийти к ней. Видимо, это дарило ей больше сил, чем она полагала.

– Тэ Нагиль-щи, а вы не знаете, где у нас в городе учат верховой езде? – спросила Йонг, прикусывая нижнюю губу. Тэ Нагиль замялся, ему пришлось моргнуть, чтобы отвлечься от лица Йонг.

– Вы хотите научиться ездить верхом?

– Да, – кивнула она. – И желательно в кратчайшие сроки.

А ещё записаться на курс тайцзи, чтобы в будущем (в прошлом, Сон Йонг, это будет в прошлом!) Дэквану не пришлось тратить на неё силы и объяснять базовые техники дыхания.

Два начала

Ульджин, Чосон, середина осени 1592 года, год Водяного Дракона

Если бы Ли Хон знал, что японский плен будет похож на праздное времяпрепровождение рядом с действительно интересными людьми, он бы, может, сдался противнику раньше. Во всяком случае, в Ульджине, куда его доставили в компании небольшого отряда асигару во главе с Рэвоном, он чувствовал себя свободнее, чем в том же дворце Хансона.

– Как ты думаешь, – спросил Ли Хон, когда к нему с очередным визитом наведлся злой и уставший Рэвон, – как долго я пробуду здесь гостем?

– Прежде чем вас казнят в назидание всему Чосону, выше высочество? – проворчал тот в ответ. – Не волнуйтесь, пока в планы генерала подобное мероприятие не входит.

– Говоришь, как одна известная нам обоим госпожа из другого мира.

Рэвон поморщился. Сел на циновку, положил рядом с собой меч – японский, изогнутый чуть больше, чем чосонский. У самого Ли Хона отобрали всё оружие и давали в руки разве что миски с рисом. Кормили его лучше, чем обычного пленного, но без разнообразия, и Ли Хону оставалось только наблюдать, как с каждым днём закусок на его столе становится всё меньше. Японское войско испытывало трудности, и неурожай, пришедший со сменой сезонов, сказался на захватчиках тоже.

Как, должно быть, страдали от голода жители его страны...

Его держали в небольшом доме, ранее принадлежавшем советнику Южной Фракции Чхве Сувону. Ему отвели павильон в задней части двора, примыкающий к крохотному саду, за которым долгое время никто не ухаживал. Ли Хону позволялось гулять там по два часа в сутки. Остальную часть дня он проводил в доме и либо спал, либо ел скудные обеды и ужины, либо принимал гостей в лице Рэвона и самураев Тоётоми. Сам генерал командовал флотом, собирающимся у берегов Ульджина, и Ли Хона к себе ни разу не потребовал.

В тот день, когда это случится, нехотя думал Ли Хон, его и убьют. Потому увидеться с генералом он и сам не рвался.

– Какие новости, господин Рэвон? – спросил Ли Хон, кривя губы в горькой усмешке. – Сколько людей успели убить с момента нашего последнего чаепития?

– Прекратите язвить, ваше высочество, – выдохнул Рэвон. – Ваши шутки совсем не к месту.

– Это не шутки. – Усмешка сошла с лица принца и превратилась в гримасу. – Пока я сижу тут, наблюдая, как опадают листья на этой липе, моя страна корчится в агонии из-за ваших с генералом набегов.

– Я не принимаю в них участия.

– Но вы и не останавливаете кровопролития.

Рэвон посмотрел на принца пустым взглядом и ничего не сказал. Им принесли чай – прехорошенькая девушка, одна из немногих молодых служанок среди немногочисленной прислуги, что осталась в доме советника: то ли им не разрешили покинуть город, то ли они не успели сделать этого до прихода японцев и теперь вынуждены были выполнять приказы японских стражников, угрожающих им расправой. Тех было куда больше, и Ли Хон гадал, зачем к нему приставили такое войско, если асигару могли бы с большей охотой участвовать в сражениях за Чосон. Казалось, даже во дворце отца его охраняли меньше, хотя псы Тоётоми редко показывались и вели себя скрытнее того же капитана Има. Ли Хон понимал, с чем это связано: ему не хотели выдавать сведений о количестве японцев в городе и в доме советника Чхве.

– Спасибо, Харин, – улыбнулся Ли Хон служанке. Та кивнула, не поднимая глаз, и ушла, мягко прикрывая за собой бумажную дверь. Пока она уходила, Рэвон разложил между ним и Ли Хоном деревянную доску с игральными фишками для Дракона и Феникса, расставил позиции, на которых они закончили в прошлый раз. Зелёных камешков Ли Хона на доске было меньше, чем красных Рэвона, но и проигрыши теперь радовали наследного принца, поскольку при дворе ему не позволяли даже смотреть в сторону игры бедняков.

– Я так понимаю, – заговорил Ли Хон, дождавшись, когда Рэвон сделает ход, – генерал пока не придумал, что со мной делать.

– На ваше счастье, – ответил Рэвон.

Его красный камень лёг в угол доски: слабая позиция, и Ли Хон мог бы решить, что Рэвон ему поддается, но он успел изучить тактику своего оппонента и знал, что тот был хитёр и верить его слабости не следовало.

– Сейчас гораздо важнее сохранить вам жизнь, а вы нарываетесь на скандал при любом удобном случае. Я и так убрал от вас всю свою стражу, чтобы вы не создавали нам обоим проблем.

– О, так я создаю проблемы? – Ли Хон почесал лоб под повязкой с *ёнкихо*, знаком дракона, единственной вещью из, казалось бы, прошлой жизни, которую у него не отобрали сразу после пленения, и хмыкнул: – Нам обоим, говоришь? Тебе-то чего переживать за мою жизнь?

Рэвон снова посмотрел на него так, будто Ли Хон говорил о чёрных дырах, стеклянных штуках, через которые можно смотреть на звёзды, о летающих железных кораблях – о том, в чём совсем не разбирался.

– Чосон не может остаться без наследника, ваше высочество, – ответил Рэвон, цедя слова сквозь сжатые зубы. – Почему я должен напоминать вам об этом чрезвычайно важном факте?

– Потому что тебя это мало волнует, но ты прикидываешься, – отбилсЯ Ли Хон, махнув рукой в воздухе. Его зелёный камешек присоединился к трём другим в окружении красных соперников.

Было прохладно, сезон Белого Тигра²² забирал силы у лета, высушивал листья деревьев и траву, переживших летнюю засуху. Ветра задували с севера, несли смерть живому, природа впадала в *анабиоз* – новое слово, которое Ли Хон подцепил из словаря Сон Йонг и с удовольствием катал на языке, вызывая недоумение у Харин и других слуг, что соглашались его послушать. Случалось это редко: прислуге запретили общаться с наследным принцем, но пока никого за мимолётные разговоры не наказали – по крайней мере, насколько Ли Хон знал.

– Вы ошибаетесь, – возразил Рэвон. – Чосон не выстоит без короля, страну сожгут дотла, и на пепелище невозможно будет построить будущее. Поэтому вы должны думать о том, как сохранить свою жизнь – и свою страну. И поменьше болтать с прислугой.

– Они мне всё равно не отвечают, – обиделся Ли Хон. – И я всё ещё не понимаю, почему тебя это должно волновать. Ты привёл Тоётоми в Чосон. Ты показал ему, куда бить и как бить. А теперь строишь из себя спасителя государства, доверия которого давно лишился.

– Мне не нужно доверие, – зло выплюнул Рэвон. Чашка в его рука качнулась, чай выплеснулся через край и намочил циновку. Рэвон раздражённо поморщился. – Чтобы защищать что-то, необязательно доказывать свою преданность.

– Так ты защищаешь Чосон? О, избавь меня от своей лжи.

Рэвон посмотрел на Ли Хона поверх камешков и поджал губы.

– Я защищаю не Чосон. А то, что Чосон хранит.

Он вдруг вскинул подбородок и высокомерно спросил:

– Вы знаете, откуда взялись Великие Звери, ваше высочество? – Ли Хон осторожно мотнул головой, и тогда Рэвон фыркнул. – Мой младший брат говорил, что вы умны и достаточно

²² Осень в понятиях Великого Цикла.

сообразительны, чтобы не стать пешкой в руках Совета. Но я вижу, что мозгов у вас меньше, чем у индюка.

– Индюки неглупые птицы, – буркнул Ли Хон. Его камешек зажали красные воины Рэвона, и он поставил рядом с ним камешек с изогнутым иероглифом двойки, Дракона. Рэвону пришлось убрать два своих камня.

– Вы разбрасываетесь своими силами, – заметил Рэвон. – Атари²³ можно было избежать простым камнем.

– У меня своя тактика, – уклончиво заявил Ли Хон.

– Вот эта? Выставить Дракона в середине партии, когда у вас на доске осталось меньше половины камней?

– Дракон – мощная защита для последующих ходов.

Рэвон вздохнул, провёл ладонью по усталому лицу.

– Как же вы уповаете на силу Дракона, – простонал он. – Вы все. Совет, страна, наши мастера, внушившие мне и Нагилю, будто кроме Великих Зверей над Чосоном нет иной мощи. И посмотрите, где мы сейчас.

– Я в плену, – ответил уязвлённый принц. – Ты приставлен ко мне смотрителем, пока твой генерал воюет на чужой территории. Совет предаёт всех, доверять никому нельзя. И только Нагиль следует по тому пути, который он выбрал. И не сдаётся.

Рэвон выставил камень Феникса на своей половине доски, отсекая три камня Ли Хона. Принц снова проигрывал.

– Нагиль умрёт, если будет упорствовать с обещаниями, – сказал Рэвон. – Раздаривает их, словно те ничего не значат, а потом сам же страдает. Не потому ли ему пришлось вернуть Йонг обратно в её родной мир?

– Не потому ли, что ты привёл её к нам? – огрызнулся Ли Хон. – Не забывайся: только обещание Нагиля спасло нашу госпожу от змея. Из-за тебя всё началось.

И когда он говорил «всё», то имел в виду и войну тоже, хотя стоило признать, что такие рассуждения никуда не вели: они были ошибочными, и Ли Хон знал это с тех пор, как первые корабли Тоётоми высадились у Тоннэ. Генерал пришёл бы в Чосон с Рэвоном или без, завоёвывал бы его страну – с помощью предательских планов Рэвона или без них.

²³ Позиция в игре, при которой три камня соперника закрывают ваш камень, оставляя незакрытым четвёртый пункт, и, чтобы избежать захвата, выставляете рядом со своим камнем второй такой же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.